

VIII. ЯЗЫК И КУЛЬТУРА: КОГНИТИВНО-КОММУНИКАТИВНЫЙ ПОДХОД

Н.Ш. Абдулкадирова (Махачкала, Россия)

ГИПЕРКОНЦЕПТ СЕМЬЯ – ДОМ В АНГЛИЙСКОМ И ЛЕЗГИНСКОМ ЯЗЫКАХ

Содержание концептов СЕМЬЯ/ХАЗАН/FAMILY и ДОМ/КВАЛ/НОМЕ анализируется на материале словарных статей, что позволяет выявить универсальность данных концептосфер для лезгинской и английской культуры, а также дает повод утверждать существование гиперконцепта СЕМЬЯ/ХАЗАН/FAMILY – ДОМ/КВАЛ/НОМЕ, в который проанализированные концепты входят как составляющие в силу тесных ассоциативных и дифференциальных связей между их родственными компонентами.

Ключевые слова: концепт, гиперконцепт, концептосфера, лексико-семантические составляющие, концептуальное поле, синонимические ряды, ассоциативные ряды.

DOI: 10.20916/2071-9639-2016-25-610-616

В настоящее время лингвокультурология является самостоятельным и активно развивающимся направлением лингвистики, которое занимается рассмотрением проявления культуры народа, отразившейся и закрепившейся в языке.

При этом культура понимается как система универсалий, в которой как в некоем абстрактном, всеобщем содержании сочетаются глубинные структуры человеческого сознания, особенности способов человеческой действительности, характерные черты принятой в обществе шкалы ценностей.

Лингвокультурный концепт понимается как условная ментальная единица, используемая в комплексном изучении языка, сознания и культуры. Соотношение лингвокультурного концепта с тремя на-

званными сферами сформулировано следующим образом: сознание – область пребывания концепта; культура детерминирует концепт; язык и/или речь – сферы, в которых концепт опредмечивается [Карасик, Слышкин 2001: 76].

Концепты отражают те ценности, которые играют в жизни народа существенную роль и получают отражение в языке. Наиболее яркие и значимые для народа ассоциации составляют ядро концепта, а менее значимые – периферию. Концепт не имеет четких границ, и по мере удаления от ядра происходит затухание ассоциаций [Карасик, Слышкин 2001].

Являясь стержневым элементом в понятийном аппарате человеческого сознания, концепт представляет собой универсальное явление сложного характера. Не подлежит сомнению тот факт, что существуют концепты, настолько тесно связанные друг с другом, что сферы их понятий могут пересекаться, конкретизируя и дополняя друг друга. Такие сложные явления уместно называть гиперконцептами, в силу тесных ассоциативных и дифференциальных связей между их родственными компонентами. Подобные явления представляют особый интерес для исследователя, поскольку они открывают широкие перспективы раскрытия глубинной универсальности понятийного аппарата.

Одна из подобных групп родственных компонентов в качестве исследовательской области человеческого сознания может быть обозначена гиперконцептом СЕМЬЯ/ХАЗАН/FAMILY – ДОМ/КВАЛ/НОМЕ.

Концепты СЕМЬЯ/ХАЗАН/FAMILY – ДОМ/КВАЛ/НОМЕ относятся к числу самых долговечных и значимых в сознании и культуре человека. Близость этих концептов не подлежит сомнению, а сходство и синонимичность лексем, репрезентирующих эти концептосферы, зафиксированы в словарных статьях и наличествуют в устной речи и художественных текстах.

В настоящее время существует множество методик исследования концептов; к числу распространенных относятся следующие: компонентный анализ семантики ключевого слова, анализ синонимов и дериватов ключевого слова, психолингвистический эксперимент (выявление ассоциативного поля концепта), анализ художественных текстов, анализ употребления в устной речи. Те же методики правомерно применять к исследованию сложных соединений, следуя от анализа сферы единичных элементов – концептов – к анализу их комплексов – гиперконцептов.

Предлагаемое ниже описание гиперконцепта СЕМЬЯ/ХАЗАН/FAMILY – ДОМ/КВАЛ/НОМЕ не является исследованием, имеющим окончательный характер, а представляет собой результаты начального этапа исследования данного гиперконцепта.

На первом этапе проводится структурирование концепта СЕМЬЯ/ХАЗАН/FAMILY на материале словарных статей, что позволяет выделить лексико-семантические составляющие концептуального поля (семья, род (клан), племя, нация); на втором – на основе типов отношений внутри семьи выделяются вертикальные отношения – между поколениями и горизонтальные – между родственниками на определенной стадии развития семьи, а также на основе типологических свойств семьи – семья нуклеарная и сложная.

Лезгинский и английский концепты СЕМЬЯ/ХАЗАН/FAMILY имеют одинаковую структуру вертикального родства по схеме: *семья/хазан/family – род/мухум/line – клан/жинс/clan – нация/милет/nation*, где *семья* служит фундаментом иерархической системы, отражающей путь становления социальных отношений от отдельной ячейки общества до целого государства и, разумеется, до человечества в целом вне национальности и культуры и, скорее всего, вне времени. Незначительные различия в восприятии упомянутых социальных групп в лезгинском и английском ментальных пространствах не нарушают идеи универсальности вертикального родства.

Вне зависимости от особенностей социума в обеих языковых культурах в основе горизонтального среза концепта СЕМЬЯ/ХАЗАН/FAMILY лежит тип родства: кровное родство по прямой линии, кровное родство не по прямой линии, родство по браку, а также те неродственные отношения, которые попадают в разряд семейных.

Исходя из перечисленных типов родства и их сочетаний выделяются две основные разновидности семьи: нуклеарная (одна семейная пара с детьми) и сложная (включающая родственников по восходящей и боковым линиям).

В обеих языковых культурах основой является нуклеарная семья, поскольку ее функцией является продолжение рода по нисходящей линии.

Анализ семантического поля составляющих концепта СЕМЬЯ (муж, жена, сын, дочь и т.п.), их синонимических и ассоциативных рядов, а также их символической значимости с учетом национальной и культурной специфики позволяет выявить большой спектр концептуальных признаков.

Концепт МУЖ/ИТИМ/HUSBAND в качестве основного компонента концепта СЕМЬЯ/ХАЗАН/FAMILY в каждой из двух языковых концептосфер имеет свои специфические содержательные различия. Так, в лезгинской концептосфере МУЖ/ИТИМ исторически исключает акценты, расставленные на физиологическом начале, в силу конфессионального и национального восприятия, в лезгинском менталитете муж – это воин, защитник.

Лексико-семантический анализ современной лексемы *муж* и ее концептуального поля на основании словарных статей и синонимических рядов позволяет выделить следующие концептуальные признаки:

Муж:

- 1) супруг/итим;
- 2) благоверный/къаниди;
- 3) спутник/юлдаш;
- 4) хозяин/иеси.

Одним из основных концептуальных признаков является *Супруг/Итим* «муж», «мужчина», «человек» (ср. с англ. *Man* «человек», «мужчина»).

Таким образом, концепт МУЖ/ИТИМ как социально значимый для лезгинской концептосферы разных исторических периодов репрезентируется словоформами, имеющими специфические и стилистические оттенки. Это дает возможность носителям языка не только констатировать положение мужчины как главы семьи, но и выразить отношение к нему в том случае, когда он не соответствует этому статусу.

В английском языке этимология лексемы *husband* «муж» дает достаточно полное представление о первоначальном концепте в английском ментальном пространстве. Лексема *husband* является заимствованием из древнескандинавского языка, от слова *husbondi* – «хозяин дома», которое появилось в староанглийском в варианте *husbonða*. В слове *husbondi* второй элемент *bondi*, означающий «человек, у которого есть земля и хозяйство», восходит к древнескандинавскому глаголу *buá*, что в переводе означает «жить», «обитать», «иметь хозяйство» [American Heritage Dictionary of the English Language].

Этот анализ позволяет прийти к заключению, что изначальное значение лексемы *husband* ограничивалось семантическим полем принадлежности к месту, владением домом, землей, с главенствующей ролью в этом хозяйстве.

На основании лексико-семантического анализа современной лексемы *husband* выделяются следующие концептуальные признаки:

- 1) partner (партнер);
- 2) spouse (супруг);
- 3) mate (напарник);
- 4) married man (женатый человек);
- 5) family man (семьянин);
- 6) better half (лучшая половина);
- 7) hubby (муженек).

Partner (партнер), исходя из определения *either member of a couple in a relationship* (один из двух членов в каких-либо отношениях) [Collins], синонимичен *spouse* в том, что определяет в паре человека любого пола, но имеет более широкое семантическое поле, поскольку употребляется не только в рамках семейных отношений.

Spouse (супруг) а *person's partner in marriage* (партнер по браку) [Webster's] в ряде словарных дефиниций является определяющим к лексеме *husband*, таким образом, *spouse* можно рассматривать как синоним *husband*. Разница заключается в том, что, в отличие от *husband*, *spouse* обозначает партнера любого пола.

Лексема *mate* (напарник) в первом значении также синонимична *spouse* и *partner*. Эта повторяющаяся констатация факта парт-нерства дает возможность сделать заключение о восприятии мужа как спутника жизни, принимающего участие во всех вопросах, касающихся семейных дел. Второе значение лексемы *mate* – chiefly British – a good friend or companion (британское хороший друг, компаньон) [American Heritage Dictionary of the English Language] делает акцент на качестве этого партнерства – дружеских отношениях.

Married Man (женатый человек) а *woman's partner in marriage* (партнер женщины в браке) [Collins] звучит вполне нейтрально и не добавляет дополнительных оттенков к концепту.

Family Man (семьянин) а *man whose family is of a major importance to him* (человек, для которого семья имеет главенствующее значение) [Collins] особо акцентирует внимание на важности семьи для женатого англичанина. В английском языке присутствуют и разговорные, и юмористические обозначения мужа: *Better Half* (лучшая половина) *informal humorous one's spouse* (разг., юм. супруг) [Collins];

Hubby (муженек) *informal a husband* (разговорное муж) [Collins]; однако они не так многочисленны, и в целом лексема *husband* описывает человека мужского пола, крайне заинтересованного в партнерстве со своей женой и рассматривающего жизнь и интересы семьи как одну из главенствующих ценностей.

По крайней мере, три значения из шести связаны с семьей: «дом» – жилище для семьи; «дом» – род (племя, народ); «дом» – сама семья.

В коммуникативном процессе часто происходит нейтрализация лексем *Дом/Квал/Номе* и *Семья/Хазан/Family*.

Анализ содержания концептов СЕМЬЯ/ХАЗАН/FAMILY и ДОМ/КВАЛ/НОМЕ на материале словарных статей позволяет не только выявить универсальность данных концептосфер для лезгинской и английской культуры с вытекающими из этого сходными и индивидуальными особенностями, а также позволяет утверждать о существовании гиперконцепта СЕМЬЯ/ХАЗАН/FAMILY – ДОМ/КВАЛ/НОМЕ, в который проанализированные концепты входят как его составляющие.

Литература

Гайдаров Р.И. и др. Современный лезгинский язык. Махачкала: ИЯЛИ, 2009.

Гольмагомедов А.Г. Словарь лезгинского языка. Махачкала: ИЯЛИ, 1990.

Карасик В.И., Слышкин Г.Г. Лингвокультурный концепт как единица исследования // Методологические проблемы когнитивной лингвистики. Воронеж: ВГУ, 2001. С. 75-80.

Степанов Ю.С. Константы. Словарь русской культуры. М.: Академический Проект, 2001.

American Heritage Dictionary of the English Language. URL: <http://www.thefreedictionary.com>.

Collins Essential English Dictionary. URL: <http://www.thefreedictionary.com>.

Longman Dictionary of English Language and Culture. Longman House, Harlow, Essex, 1992.

Webster's Dictionary, Electronic Version by Christian Technologies, Inc. URL: <http://65.66.134.201/cgi-bin/webster/WEBSTER>.

N.Sh. Abdulkadirova (Makhachkala, Russia)

THE FAMILY-HOME HYPERCONCEPT IN THE ENGLISH AND LEZGHIN LANGUAGES

The content of the СЕМЬЯ/ХАЗАН/FAMILY – ДОМ/КВАЛ/НОМЕ concepts is analyzed on the basis of the dictionary articles, which helps reveal the universal character of these concepts for the Lezghin and English cultures, as well as gives reason to

assert the existence of the СЕМЬЯ/ХАЗАН/FAMILY – ДОМ/КВАЛ/НОМЕ hyperconcept which is comprised by the two mentioned concepts due to close associative and differential ties between their semantic components.

Key words: concept, hyperconcept, concept sphere, lexical-semantic components, concept field, synonymic chains, associative chains.

Ш.А. Алиева (Махачкала, Россия)

РЕПРЕЗЕНТАЦИЯ КОНЦЕПТА ЖАДНОСТЬ В АНГЛИЙСКИХ И РУССКИХ ПОСЛОВИЦАХ

В статье проводится сопоставительный анализ концепта ЖАДНОСТЬ в английских и русских пословицах. Исследование выявило сходную отрицательную оценку жадности представителями обеих лингвокультур, что обусловлено универсальным характером самого концепта. В то же время в обоих языках присутствуют пословицы, содержащие национально-специфические особенности восприятия данного концепта.

Ключевые слова: концепт, жадность, скупость, пословица, лингво-культура, оценка.

DOI: 10.20916/2071-9639-2016-25-616-621

Большинство исследований в современной отечественной и зарубежной лингвистике проводятся в русле когнитивной лингвистики и лингвокультурологии, методика которых позволяет выявить этнокультурные особенности менталитета носителей различных языков. Изучение фактов языка с привлечением смежных дисциплин – культурологии, этнологии и этнографии оказывается все более перспективным, поскольку не только описывает языковые явления, но и объясняет их, раскрывает связь языка с историей, культурой, особенностями мировоззрения народа.

По мнению Н.А. Красавского, наиболее перспективными при решении задач лингвокультурологического характера оказываются исследования паремий – устойчивых, клишированных, имеющих высокий индекс употребления речевых высказываний, так как именно на фразеологическом субуровне языка наиболее эксплицитно отражена сама специфика познавательного и эмоционального опыта того или

иногo этноса, черты его материальной и духовной культуры [Красавский 2000].

Жадность, как нравственно-ценностная универсалия, представлена во многих языках, ее можно отнести к универсальным константам-пейоративам, которая осуждается во всех обществах и во все времена [Карачина 2014: 77].

Как указывает В.А. Маслова, ценности и следовательно, антиценности, необходимо рассматривать как *концепты*, так как они являются аксиологичными и культурно-специфичными по своей природе образованиями, вербализованным культурным смыслом [Маслова 2011: 384].

В данной статье рассматривается концепт ЖАДНОСТЬ, репрезентированный в английских и русских пословицах.

В английском языке концепт GREEDINESS репрезентирован лексемами *greed, avidity, greediness, avarice, rapacity, cupidity* [http://synonymum_en_ru.academic.ru/12791], из которых в пословицах встречается только *greed/greediness* и *avarice*.

В русских пословицах из многочисленных синонимов представлены *жадность* и *скупость*, хотя в синонимических словарях мы находим более 20 лексем [http://dic.academic.ru/dic.nsf/dic_synonims/42632].

В.А. Кувакин, говоря о жадности как антиценности, указывает на ее релятивность, это гипертрофированная форма таких свойств, как бережливость, экономность, которая господствует над большинством или даже всеми позитивными качествами и ценностями. Скупость, по В.А. Кувакину, это пассивная жадность [Кувакин 2006].

Анализ английских и русских пословиц обнаруживает, что концепт GREED/GREEDINESS и близкий ему концепт AVARICE, оцениваются, в общем, отрицательно.

В обеих лингвокультурах *жадность* и *скупость* рассматриваются как **зло, несчастье**:

(англ.) “*There is no greater calamity than being consumed by greed*”.

(рус.) «**Жадность** – всякому **горю** начало»; «*У скупого, что больше денег, то больше и **горя***».

Отношение к *жадности* как одному из **смертных грехов** отражено и в английских, и русских пословицах:

(англ.) “*A greedy man God hates*”.

(рус.) «**Скупому** человеку **убавит Бог** веку»;

Представители и английской и русской лингвокультуры полагают, что **жадность** может быть **неискоренима**:

(англ.) “*When all other sins are old, **greed** stays young*”; “***Greed** is eternal*”.

(рус.) «**Жадный** глаз только сырой землей насытится»; «**Умру, так с собой возьму**».

Достаточно многочисленно представлены пословицы и поговорки, осуждающие поведение жадного человека. Как правило, доминирующим признаком в данном случае выступает **ненасытность жадности**:

(англ.) “***No gain satisfies a greedy mind***”; “*Love is blind and **greed** is insatiable*”; “*Avarice is **never satisfied***”; “***Greed** is like filling a cup with a hole at the bottom, it will **never fill***”; “*The more you **have** the more you **want***”

(рус.) «**Жадное** брюхо не накормишь»; «**Дай бог много, а захочется и побольше**»; «**Душа не принимает, а глаза все больше просят**»; «**Стоит по горло в воде, а пить просит**»; «**У жадного кадык петянулся**».

Ненасытность жадности, по мнению и англичан и русских, приводит не к увеличению богатства, а к **бедности, потере**.

(англ.) “*A **penny** soul never came to twopence*”; “***Cheapest** is the dearest*”; “*Avarice loses all in seeking to gain all*”; “*Whose carriage is **greediness**, his companion is **beggary***”;

(рус.) «**За большим погонишься – малое потеряешь**»; «**Лишнего пожелаешь – последнее потеряешь**»; «**Пожалел алтын – потерял полтину**»; «**Скупой платит дважды**»; «**Где дешево, там и дорого**».

Названный выше признак ненасытности жадности приводит к тому, что и в русских и в английских пословицах жадность приравнивается к **бедности**, поскольку жадный человек, так же как и бедный, все время пребывает в нужде, состоянии неудовлетворенности:

(англ.) “*A **greedy** man is always **poor***”; “*The **poor** lack much, but the **greedy** lack more*”; “*A **greedy** man and a **pauper** are practically **one and the same***”; “***Poverty** wants many things, and **avarice** all*”;

(рус.) «**Скупой богач беднее нищего**»; «**Не тот беден, у кого мало, а тот, кто много хочет**»; «**Убогий во многом нуждается, а скупой во всем**».

Данные пословицы особенно экспрессивны вследствие того, что отождествляются жадный человек и бедный, при этом жадность приписывается представителями обоих этносов именно богатому человеку:

(англ.) “*A **rich** man is always **narrow** with his money*”; “*Avarice **increases** with **wealth***”.

(рус.) «*Владеет городом, а помирает с голоду*»; «*Богат, как итальянский кот, а живет, как скот*»; «*Деньги девать некуда, а кошелька купить не на что*».

О том, что жадность приносит много беспокойства, является угрозой душевному равновесию, говорится в следующих пословицах:

(англ.) “*He looks twice at every penny*”

(рус.) «*Жадность – покою лютый враг*»; «*Жадный сам себе покою не дает*»; «*Скупой и во сне денежки считает*»; «*Над каждой копейкой дрожит*»;

В следующих пословицах отражен результат того, как жадность влияет на поступки людей. Жадный человек, по мнению англичан и русских, способен на **безрассудные** и **безнравственные поступки**:

(англ.) “*A greedy father has thieves for children*”; “*Give him an inch and he’ll take an ell*”; “*Give him a ring and he want your whole arm*”;

(рус.) «*Жадность последнего ума лишает*»; «*Жадность слепая*»; «*Скупому душа дешевле гроша*»; «*Кто много сулит, тот мало дает*»; «*Дай с ноготок, запросит с локоток*»; «*Как собака на сене: и сама не ест и другим не дает*»;

В английской лингвокультуре отмечается, что жадность сопровождают и другие пороки, такие как **зависть** и **обман**:

(англ.) “*Greed and envy are good neighbors*”; “*Envy and greed grow on the same stalk*”.

“*Deceit sleeps with Greed*”.

В отличие от английского языка, в русском языке содержится и **положительная оценка жадности и скупости**, когда они противопоставляются расточительности, бесхозяйственности:

(рус.) «*Умная жадность делу не помеха*»; «*Скуп не глуп: себе добра хочет*»; «*Скупость – не глупость*»; «*Лучше покупиться, чем промотаться*».

В русском языке жадность порицается как **бессмысленное** качество, которое ничего хорошего не принесет тому, кто ее испытывает:

(рус.) «*Всех денег не заработаешь*»; «*Хоть лопни брюшко, да не останься добрецом*»; «*Помрешь – ничего с собой не возьмешь*».

В пословицах обоих языков жадность получает метафорическое выражение, а именно персонифицируется. Метафора служит средством обозначения сложных мыслительных пространств, которые в процессе познания соотносятся через метафору с более простыми, конкретно наблюдаемыми пространствами. Здесь целесообразно привести пример сравнения эмоций с огнем, или персонификацию эмоций [Ка-

дачиева, Омарова 2010]. Персонафикация жадности происходит благодаря отражению того или иного прототипического признака, ассоциируемого с человеком, например, в английских пословицах взаимодействие такого признака жадности, как *неискоренимость* отражается с помощью признака *молодость*, в русских пословицах – признак *способность на безрассудные* поступки отражен с помощью признака *слепость*:

(англ.) “*When all other sins are **old**, greed stays **young***”; “*Greed and envy are good **neighbors***”

(рус.) «*Жадность **слена***».

Таким образом, проведенный сопоставительный анализ обнаруживает, что и в английской, и в русской лингвокультурах *жадность* представлена как порок, который приравнивается к большому горю, поскольку, из-за своей ненасытности, жадность может нанести урон здоровью и душевному равновесию, привести к бедности. При этом в английском языке жадность ассоциируется с завистью, а в русском языке мы находим ограниченное количество пословиц, в которых жадность противопоставляется расточительности и глупости и, тем самым, получает положительную оценку. Жадность также находит метафорическое выражение в обоих языках в виде персонафикации.

Литература

Академик: сайт словарей и энциклопедий. URL: <http://dic.academic.ru/>
Кадачиева Х.М., Омарова П.М. Концептуальный анализ страха в английском и даргинском языках // Вопросы когнитивной лингвистики. 2010. № 4. С. 69-75.

Карачина О. Е. Ассоциативно-когнитивная семантика жадности в русских и английских поговорках // Филологические науки. Вопросы теории и практики. Тамбов: Грамота, 2014. № 6 (36): в 2-х ч. Ч. II. С. 77-79.

Клевцова В.М. Когнитивная модель концепта «жадность» в современном английском языке // Вестник Башкирского университета. Вып. № 2. Т. 14. 2009. С. 403-406.

Красавский Н.А. Концепт ‘ZORN’ в пословично-поговорочном фонде немецкого языка // Теоретическая и прикладная лингвистика. Вып. 2. Язык и социальная среда. Воронеж: Изд-во ВГТУ, 2000. С. 78-89.

Кувачкин В.А. Антиценности. Лекция 1. Жадность, паразитизм, подозрительность, враждебность, агрессивность // Сайт Российс-

кого гуманистического общества. URL: <http://www.humanism.ru/antivalues1.htm>

Маслова В.А. Концепты и ценности: содержание понятий, языковая репрезентация // Ученые записки Таврического национального университета им. В.И. Вернадского. Серия «Филология. Социальные коммуникации». Т. 24 (63). 2011. № 2. Ч. 1. С. 383-387.

Цуй Цзин. Особенности концептов «жадность» и «щедрость» в русской и китайской линвокультурах // Электронный научно-образовательный журнал ВГСПУ «Грани познания». №5(32). Май 2014. URL: <http://grani.vspu.ru/files/publics/1402487373.pdf>

Sh.A. Aliyeva (Makhachkala, Russia)

REPRESENTATION OF THE CONCEPT GREEDINESS IN ENGLISH AND RUSSIAN PROVERBS

The contrastive analysis of the concept GREEDINESS in English and Russian proverbs is made in the article. The research has revealed the similar negative evaluation of greediness due to the universal character of the concept. Culture-specific perception of greediness is also found in some proverbs.

Key words: concept, greediness, avarice, proverb, cultural linguistics, evaluation.

О.И. Быкова (Воронеж, Россия)

ИДИОЭТНИЧЕСКОЕ В ШУТКЕ

Идиоэтнические особенности проявления категории «комическое» рассматриваются в немецкой шутке как текстотипе малой эпической формы на уровне смыслообразующих структур юмористического дискурса.

Ключевые слова: категория «комическое», юмор, этническая шутка, смыслообразующая структура дискурса.

DOI: 10.20916/2071-9639-2016-25-621-628

В языке как средстве интерпретации человеческой культуры и ментальности определенной нации находит свое выражение такой универсальный аспект человеческой жизни, как юмор. Он присутствует

ет во всех культурах и свойственен буквально каждому человеку во всем мире.

Юмор рассматривается в целом ряде наук как лингвокогнитивный, лингвокультурный, психолингвистический феномен. Изучение феномена юмора открывает новые возможности для целостного и многоаспектного понимания сущности культуры, общества, человека. Смех освещает различные стороны человеческой жизни, модели поведения. Он описывает общество и дает ему оценку, которая необходима для понимания сущности социокультурных процессов. В эстетике «комическое» рассматривается как категория, отражающая явления, которые содержат всякого рода несоответствия, противоречия, необычность, это мягкая форма критики безобразного и неприятного. С позиции философии истоки комического коренятся в объективных противоречиях общественной жизни, это оценочное противопоставление несерьезного, игривого начала серьезному, деловому. В психологии – это неожиданная разрядка эмоционального напряжения. Юмор служит, по мнению социологов, не только метками границ какого-либо класса или слоя, но и средством интеграции внутри них и, в то же время, отделения друг от друга. Это может быть и карнавальное переворачивание социальных ценностей. Этнография исследует повторяющееся и типичное, и шутка обусловлена типичными фигурами.

«Комическое» относится к числу наиболее значимых культурных явлений поведения. В исследованиях «комического» часто опираются на теорию комического, разработанную В.Я. Проппом. В.Я. Пропп выделяет следующие условия, необходимые для возникновения комизма: первое условие состоит в том, что у смеющегося имеются некоторые представления о должном, моральном и правильном. Второе условие есть наблюдение, что в окружающем нас мире есть нечто, что противоречит этому, не соответствует ему [Пропп 1976]. Комическое может проявляться по-разному: в несоответствии нового и старого, содержания и формы, цели и средств, действий и обстоятельств, реальной сущности человека и его мнения о себе. Являясь видом «комического», юмор отражает противоречие в действительности, где проявляется сочетание внешне комической трактовки ситуации с внутренне серьезным к ней отношением. Рассуждая об отношениях в паре юмор / комическое, И.А. Антонио характеризует их как изоморфные, подчёркивая, что «в онтогенезе смех, а, следовательно, и юмор, появился гораздо раньше комического как древний докультурный врождённый сигнал, как ритуал. Юмор же возник на базе того поведения, частью кото-

рого был этот смеховой сигнал» [Антонио 2008: 72]. По мнению В. Раскина, юмористический эффект основан на лингвокогнитивных механизмах переключения скриптов в рамках различных релевантных для данного языка и культуры оппозиций и реализуется в таких первичных речевых жанрах, как анекдот, шутка и т.д., при правильной дешифровке которых возникает смех [Raskin 1985]. Юмор как особая мягкая форма критики действительности в виде карнавального переворачивания ценностей либо выявления несообразности, несостоятельности сопоставляемых вещей традиционно относится к сфере этнокультурной специфики коммуникативного поведения.

Юмористические формы выражения мысли и отношения человека, отмечает Н.К. Рябцева, имеют непреходящую *социальную значимость*. Как наиболее *демократичная* форма словесного творчества юмор связан с *межличностными* отношениями и ценностями здравого смысла. Он выступает «как уникальное интеллектуально значимое средство *снятия напряжённости* в общении, способное разрешать *противоречия* жизни / мышления / языка <...> [Рябцева 2005: 371]. На фоне общечеловеческих стандартов и норм поведения в шутках выделяются особые этнокультурные, социокультурные и индивидуальные особенности людей. Соответственно, для моделирования этнокультурного юмора необходимо взять за основу некую универсальную модель юмора. В качестве такой модели обычно рассматривается известная концепция В. Раскина, который доказывает, что юмористический эффект возникает в результате накладки двух сценариев, отчасти не согласующихся между собой [Raskin 1985]. Рассматривая вопрос понимания специфического национального юмора, В.И. Карасик вводит термины «юмористическая интенция» и «юмористическая тональность»: «Если юмористическая интенция – это характеристика коммуникативного поведения говорящего, желание организовать юмористическую ситуацию, т.е. активная позиция субъекта речи, то юмористическая тональность – это установка коммуниканта на ситуацию, которая изначально отмечена юмором, т.е. в данном случае позицию субъекта речи можно определить как относительно пассивную» [Карасик 2002: 254]. Вопрос о способности понимания юмора не возникает, когда отправитель информации и адресат являются носителями одной культуры, однако он может возникнуть при столкновении различных культур. Юмористическая тональность – явление специфическое для любой лингвокультуры, так как базируется на стереотипах, особенностях мировосприятия, самоопределении, истории как отдельно взятой

нации, так и носителей того или иного диалекта, представляющих одну нацию. Таким образом, следует предположить, что когнитивным механизмом порождения юмора является противопоставление, противоречие, который тесно взаимодействует с языковыми механизмами, различными способами оперирования знаний в процессе вербализации ментальных единиц на уровнях номинации, словообразования, фразеологизации.

Следует обратить внимание на конструктивное предложение Н.Н. Болдырева с позиции когнитивно-дискурсивного подхода к исследованию лингвокультурной специфики функционирования единиц языка: признать существование отдельной языковой категоризации, называя её «системой модусной категоризации», которая охватывает модусные, интерпретирующие или оценочные категории [Болдырев 2014: 159]. Особый тип модусной категоризации «представляют собой **языковые, диалектные категории**, в основе формирования которых лежат определённые территориальные или локальные концепты. Можно говорить и об **этнической** категории, структура которой обнаруживает и прототипические формы литературного языка и прототипы языковых единиц конкретных диалектов [там же: 162-163].

Лингвисты, признавая факт, что термин комическое заимствован из эстетики в лингвистику, говорят о том, что именно в тексте как точке соприкосновения этих двух наук проявляется комическое. С точки зрения когнитивной лингвистики целостная когнитивная модель комического включает модель понимания комических текстов как результата естественной обработки языковых данных, а также механизмы мышления и образования концептуальной системы человеческого сознания. Как один из способов выражения комического в юмористическом дискурсе часто используют тексты малой эпической формы. К таким текстам относятся и рассматриваемый нами текстотип «шутка». Шутка, как текст народной прозы – культурный индикатор, т.е. шутку можно понять, если понимаешь её культурную основу. Этот тип текста обладает особенной структурной организацией, и в его композиции особенно важна концовка, которая носит характер сюжетной развязки или эмоционального финала. В немецкой лингвокультуре термин “*der Witz*” является гиперонимом и охватывает многие видовые понятия (острота, анекдот, небылица), что соответствует жанру шутки как в узком, так и в широком её понимании. Отдельно следует отметить наличие специфической для жанра шутки людической функции. Людическая функция предполагает наличие языковой игры, реа-

лизуемой за счет средств различного характера: использования цитат, словесной игры, звукописи, наличия тропов, игра на базе полисемии и омонимии, нарушение норм синтаксиса, скрытых аллюзий и др. Использование игрового потенциала языка находит максимальное отражение при выражении комического.

Понятие «этническая шутка» означает шутку в пределах отдельных этнических групп. Шутка существует почти всегда в местно – или регионально-специфических проявлениях. Этнический автопортрет немца включает в себя не только принадлежность к немецкой нации, но и к некоторой этногруппе, определенной родным диалектом. Таким образом, национальный автостереотип может быть представлен не только на национальном, но также на субэтническом уровне (в нашем случае – федеративная земля). Ю.А. Сорокин подчеркивает особую роль самоидентификации: «Автопортреты являются одной из самых важных форм (соответствующих действительности или фантомных, принимаемых другими или нет, – это другой вопрос) этнического самосознания, позволяющих соотносить себя с другими» [Сорокин 1995: 46]. Комические тексты с участием персонажей различных этнических групп (этноанекдоты) репрезентируют яркий пример этнического портрета или автопортрета. В Германии, помимо этнической шутки, существует шутка региональная. Представитель федеративной земли – это носитель субкультуры своей родной территории, носитель определенного диалекта, а соответственно, ряда приписываемых ему характеристик, качеств, особенностей. «Личность носителя диалекта обладает особым мировосприятием, мироощущением, мировидением и миропониманием, а родной диалект является неотъемлемой её частью» [Меркурьева 2010: 109]. Носитель диалекта равен носителю стереотипа. Так, например, есть кёльнский юмор, объективный берлинский юмор, пассивный саксонский юмор и активный старо-баварский юмор, который часто основывается на этнических предубеждениях. Даже если одна и та же шутка встречается в различных регионах, все же, она отличается в нюансах, она проявляет в различных местах различный местный колорит. Таким образом, можно разглядеть в шутке, что в ней типично по-гамбургски, типично по-швабски или типично по-саксонски.

По продуктивности способов выражения комического на уровне смыслообразующих структур юмористических текстов, как показали результаты нашего наблюдения, самым продуктивным оказался лексико-фразеологический уровень (45 %) от всего корпуса исследования. Самым популярным способом на этом лексическом уровне (39 %), является

каламбур (нем. **Doppelsinn**), который придает тексту определенную двусмысленность ситуации. Приведем некоторые примеры:

(1) *Der spaßige Lehrer sagte zu seinen Landschulkindern, die oft zusammen mit ihren Eltern beim Gutsherrn arbeiteten: „Ihr habt wohl wieder Erbsen und Linsen **gelesen**, aber keine Bücher“* [Lentz 2005].

(2) *Herr Friseur, können Sie mir die Haare etwas **locken**? – **Locken** kann ich sie schon, mein Herr. Aber ob sie auch kommen?* [<http://www.witze-ueber-witze.de>.]

Эффект комического при восприятии вопроса учителя учениками («Что они делали, собирали ли горох, чечевицу или читали книгу?») возникает в результате игры слов, значений омонимов, глаголов: в первом примере (1) *lesen, собирать ч.-л. и lesen, читать*. Во втором случае (2) глагол *locken* в вопросе клиента и ответе парикмахера имеет совершенно разное значение: *locken, завивать (волосы)* и *locken, манить, заманивать, завлекать, привлекать*. При переводе вся соль шутки исчезает.

Весьма продуктивным способом выражения юмора является метафора, например, *Das Herz der Reichen **hängt am Geldbeutel*** [<http://www.witze-ueber-witze.de>], дословно: «Сердце богача висит на денежном кошельке», где основанием для порождения комического служит механизм метафоры на основании сравнения денотата по функциональному признаку

Нарушение в структуре фразеологизмов как способ проявления юмора обнаружен в 19 % случаев употребления от общего корпуса материала. Для иллюстрации приведём примеры: *Aller **Mannfang** ist schwer* [Mieder 1983] / *Всякая ловля мужчины трудна* вместо *Aller **Anfang** ist schwer* / *Лиха беда начало*; *Wer zuletzt **lacht**, **hat den Witz nicht verstanden*** / *Кто смеётся последним, тот не понял шутку* вместо *Wer zuletzt **lacht**, **lacht am besten*** [Mieder 1983] / *Кто смеётся последним, смеётся лучше всех*; *Irren ist **männlich*** / *Мужчинам свойственно ошибаться* вместо *Irren ist **menschlich*** [Mieder 1983] / *Человеку свойственно ошибаться*.

Юмор может возникать в результате креативной деятельности коммуниканта на уровне смыслообразующих структур текста (29 %), например, *Der Student **studiert**, der Arbeiter **arbeitet**, der Chef **scheffelt***. [<http://www.aphorismen.de/zitat/32115>], дословно «*Студент учится, рабочий работает, шеф загребаёт (деньги)*».

На уровне фоностилистической структуры особую роль в рамках диалектных языковых категорий выполняют фонологические средства,

а именно, диалектные варианты произнесения слов, где речь идёт не только о смысловозначительной, но и о диалектно-различительной функции. Рассмотрим эту особенность на примере бытового языкового анекдота на саксонском диалекте: *Kennen Sie den Unterschied zwischen einem Teekessel und Othello? Nein? Also: Beim Deegüssl, da sieded dähr Dee! Un beim Odülloh, da deeded dähr sie!* [Sächsische Witze 1992]. Здесь комизм возникает благодаря сохранению в саксонском диалекте (в отличие от литературной произносительной нормы) бесперебойного согласного «d» (*Dee* – *Tee*, дословно *чай* и *deeded* – *tötet*, дословно *убивает*). Пароль для дешифровки подобных текстов – знание диалекта созвучия «*da sieded dähr Dee*» (*da siedet der Tee*) и «*da deeded dähr sie*» (*da tötet der sie*).

Таким образом, этническая шутка – единица вербально-рефлексивного уровня комического, где функциональной доминантой является людическая функция, предполагающая наличие в этнической / региональной шутке языковой игры. Текстотип малого формата (нем. *der „Witz“*) как результат модусной языковой категоризации является в немецкоязычном юмористическом дискурсе коммуникативно значимым и ситуативно-востребованным.

Литература

Антонио И.А. Юмор и комическое в лингвистических исследованиях // Филологические науки. 2008. № 6. С. 69-73.

Болдырев Н.Н. Когнитивная семантика. Введение в когнитивную лингвистику: курс лекций. 4-е изд., испр. и доп. Тамбов: Издательский дом ТГУ им. Г.Р. Державина, 2014.

Карасик В.И. Языковой круг: личность, концепты, дискурс. Волгоград: Перемена, 2002.

Меркурьева В.Б. Штрихи к портрету личности носителя диалекта // Язык. Закономерности развития и функционирования: сб. к юбилею Н.Н. Семенюк. М.; Калуга: «Эйдос» (ИП Кошелев А.Б.), 2010. С. 102-111.

Пропп В. Я. Проблемы комизма и смеха. М.: Лабиринт, 1976.

Рябцева Н.К. Язык и естественный интеллект. М.: Academia, 2005.

Сорокин Ю.А. Речевые маркеры этнических и институциональных портретов и автопортретов (Какими мы видим себя и других) // Вопросы языкознания. 1995. № 6. С. 43-53.

Mieder W. Antisprichwörter. Wiesbaden: Verlag für deutsche Sprache, 1983.

Lentz M.T. Ganz Deutschland lacht!: 50 deutsche Jahre im Spiegel ihrer Witze. Essen: Deutscher Taschenbuch Verlag, 2005. S. 7-17, 83-84.

Сächsische Witze. Taschenbuch. Frankfurt; M.: Eichborn Verlag, 1992.

Raskin V. Semantic Mechanisms of Humour. Text. Dordrecht: Riedel, 1985.

URL: <http://www.witze-ueber-witze.de>.

URL: <http://www.gnudung.de/kram/sprache/palindrom.html>

URL: <http://www.aphorismen.de/zitat/32115>

O.I. Bykova (Voronezh, Russia)

IDIOETHNIC CHARACTERISTICS OF JOKE

Idioethnic peculiarities of manifestation of the category of comical are examined in the German joke as a text type of small epic form at the level of sense forming structures of humorous discourse.

Key words: the category of “comic”, humour, ethnic joke, sense forming structure of discourse.

А.Д. Ефимова (Орехово-Зуево, Россия)

ЭВОЛЮЦИЯ ПОНЯТИЯ ДЕНДИ В РОССИЙСКОМ ОБЩЕСТВЕ XX-XXI ВЕКОВ

Данная статья посвящена анализу истории появления, формирования и развития лингвокультурологического понятия *денди* в российском обществе. В процессе исследования были раскрыты особенности содержания лексемы *денди* и закономерности его эволюции в XX-XXI веках, выявлены коннотации значения данной лексемы и её синонимы. Установлена взаимосвязь политических и социальных изменений в обществе с пониманием самого понятия *денди* и слова, его обозначающего, и отношением к нему в различные исторические периоды. В данном исследовании отмечены различные взгляды и подходы к определению содержания понятия *денди*.

Ключевые слова: лингвокультурология, денди, понятие, антропоцентризм, культурное бытие.

DOI: 10.20916/2071-9639-2016-25-628-634

Анализ понятия «денди» связан с развитием антропоцентрического подхода в лингвистике, основанного на изучении отражения свойств личности в языке. Объектом данного исследования является «дендизм» как лингвокультурологическое понятие, а предметом научного анализа – совокупность изменений содержания этого понятия и форм его выражения в русском обществе XX-XXI веков. Цель данной статьи – установить закономерности развития лексемы *денди*, а задачи – организовать смысловые элементы этой лексемы внутри языкового значения, выявить её синонимы и коннотации её значения. В процессе исследования был использован историко-генетический метод, направленный на анализ появления, формирования и дальнейшего развития понятия «денди», а также собственно лингвокультурологический метод изучения слова *денди* через описание его лексического поля.

В современных словарях при определении значения понятия «денди» описываются внешность и поведение человека, обозначаемого этим словом: “a man who gives exaggerated attention to dress and demenour” [Longman Concise English Dictionary 1985: 347] (*человек, который уделяет чрезмерное внимание платью и поведению* (пер наш. – А.Е.). В массовой культуре находит отражение именно это значение термина *денди* как модника и, реже, как человека, обладающего определенными внешними свойствами или качествами: изысканными манерами, небрежными жестами. Такой взгляд связан с восприятием знаменитых строк А.С. Пушкина, из романа «Евгений Онегин» как эталона понимания данного слова:

Как денди лондонский одет –

И наконец увидел свет [Пушкин 1986: 188].

Именно в четвертой строфе первой главы этого произведения впервые в России был употреблен термин *денди*, а образ главного героя стал образцом для подражания, способствуя распространению дендизма. Неудивительно, что первой ассоциацией большинства россиян на вопрос: «Кто такой денди?» является эта фраза, характеризующая одно из самых ярких воплощений денди в европейской литературе.

Когда-то слово *денди* употреблялось для обозначения бунтарей, свободолюбцев, людей мужественных и волевых, неординарных, недюжинного ума и дарований, порой угрюмых, почти демонических, стремящихся к достижению идеала Красоты и Совершенства. Существуют ли сейчас эти люди, именовавшие себя *денди*, или ушли в небытие? А, может быть, изменилось содержание этого термина или он вообще стал историзмом? Задавшись этим вопросом, мы проанализировали

статьи в модных журналах, а также современные художественные произведения.

Надо отметить, что понятие *денди* прочно вошло в язык уже к середине 30-х годов XIX века. А.П. Башуцкий в «Панораме Санкт-Петербурга» (1834) среди прочих прогуливающихся отмечает и денди: *Дамы, девы, девицы, военный, статский, старый, малый, вельможа, денди, журналист – все в условный час спешат на Невский проспект* (НКРЯ). Понятие *денди* посредством соответствующей лексемы можно обнаружить в произведениях таких авторов, как М.Ю. Лермонтов, Н.С. Лесков, В.А. Сологуб, И.А. Гончаров, А.Ф. Писемский и др.

Дмитрий Быков в «Орфографии» (2002) словом *денди* обозначает типичного интеллигента начала XX века, готового к героизму и самопожертвованию, благородного, неизменно вежливого и страдающего от своей непрактичности, далеко не всегда богатого, но при этом презирующего каждодневный труд, словно намеренно стремящегося к своему концу: *Казарин за то и любил Стечина, что в нем и его приятелях узнавал ту же легкость – только новые денди меньше улыбались; прежние выбрали гибель добровольно – новых никто ни о чем не спросил. Неприспособленность к жизни; о, эта неприспособленность к жизни! Да было бы к чему приспособляться... Деньги стоило только получать в наследство или выигрывать в карты* (НКРЯ).

Слово *денди* в начале XX века являлось символом избранного общества – художественной и умственной элиты. Это понятие ассоциировалось с определенным социокультурным фоном. В эпоху, когда чувствовалось назревание больших перемен, когда ясно осознавалась недолговечность привычного уклада, русский денди стремился создать свой собственный мир. Он бежал в мишурный блеск ресторанов и опер, где казалось, что все остается по-прежнему. Люди праздновали свой уход. Василий Катанян (Брик Л. Жизнь (1999)) так охарактеризовал атмосферу, царившую в Москве: *Пир во время чумы, который царил тогда в столице, стянул в свою орбиту и Лилю с Осей [...]. Круг их знакомых и в Москве, и в Петрограде был далек от литературы. Это были коммерсанты, денди, завсегдатаи ресторанов, любители танго, модные актрисы...* (НКРЯ). Слово *денди* впитало ностальгию и апатию того времени.

В советский период понятие «денди» если и употреблялось, то в негативном смысле, для обозначения человека, одевающегося оригинально. Таких людей клеймили словом *буржуа*, считая людьми неблагонадежными. Этим людям приходилось либо раствориться в толпе,

либо уехать за границу, либо быть готовым к возможным последствиям: Андрей Битов в «Жизни без нас» (1997) писал: *И вообще был кра-савец. Денди и джентльмен [...]. Таких расстреливали уже за внешний вид, а не только за то, что они написали* (НКРЯ).

Фактически, усреднение, ориентация на повседневную одежду, а также стереотипы восприятия взглядов денди, как достойных презрения, привели к ликвидации социального типа денди. Позже, в годы оттепели, дендизм возродился под другим обозначением – *стиляга*. Под общим названием *денди* в 50-е годы XX века понималось все противостоящее, не согласное с общепринятыми культурными устремлениями и ценностями. Это была преимущественно богема и интеллигенция с её культом избранности, уникальности, утонченности.

Николай Климонтович в «Далее – везде» (2001) уверен, что в русском духе всегда существовали ростки дендизма, которые подавлялись в советские годы. Этот мыслитель дает глубокий анализ содержания понятия «денди» как в середине прошлого столетия, так и в современном мире. Его оценка совпадает с данными проведенного нами исследования. Важно, что дендизм воспринимается ни как стиль поведения, становясь синонимом щегольства – чрезмерного внимания к внешнему виду, ни как бесцельный бунт. Он сочетает в себе культуру, психологию, идеологию. *Семена русского дендизма, как и русского юродства, с которым он, дендизм, безусловно, одного корня, спят глубоко в национальной культурной почве, так что могут прорасти в любой благоприятный момент, для чего вовсе не требуется буквальной непрерывности традиции. Так или иначе, но именно конец 50-х дал бурный всплеск этого типа поведения, который трудно поддается определению и который, к месту сказать, воспроизводился в следующих поколениях все более вяло...* (НКРЯ).

В обывательском понимании, понятие «денди» в середине прошлого века расширяется, распространяясь на все то, чего нет у других, в произведении Перта Алешковского «Седьмой чемоданчик» (1997-1998) – это японская куртка: *Ни у кого вокруг такой не было* (НКРЯ).

В современной культуре образ денди, в целом, популярен, что выразилось в обилии ссылок и сравнений в статьях и произведениях. Денди часто ассоциируется с состоятельностью и внешним лоском безотносительно внутреннего содержания. В произведении В. Синицыной «Муза и генерал» (2002) денди сменил черный костюм на белый, а великолепий экипаж на роскошный джип. Важной деталью является приверженность к боксу – любимому виду спорта английского

джентльмена: *...в кафе зашел плечистый денди в белом костюме, бритоголовый, но лысина была ему к лицу [...]. Оказывается, денди приехал на крутом джипе* (НКРЯ).

Борис Гройс и Светлана Бойм в своей работе «О свободе» (2003) затрагивают актуальную для денди XIX века тему героизма. Образ героя заменяется понятием «звезда». Чувствуется слегка презрительное отношение авторов не только к «героям» сплетен, но и к герою-денди прошлого, интерпретируемого как «безработный Геркулес»: *Помнишь, Бодлер в середине XIX века писал о том, что денди является героем, героем нового времени, эдаким безработным Геркулесом. Теперь даже подобная фигура героя-денди исчезает. Поп-звезды – даже не денди, а марионетки в руках продюсера* (НКРЯ).

Выделяется такое содержание понятия «денди», как красота тела и культ силы, что выразилось в слове *мачо*. *Он во что бы то ни стало хотел быть своим на этой ярмарке тщеславия. Модным писателем, которого знают в лицо сильные мира сего. Ведь он – денди, макарони и мачо, а вовсе не папараци – и сам бы вполне мог быть одним из героев светской хроники [...]. он искренне полагал, что вся эта сугубо разночинная публика действительно представляет собой элиту и нынешнюю аристократию* (НКРЯ).

В наши дни дендизм часто воспринимается как стиль моды. Причем, в современном понимании, дендизм является стилем в одежде как для женщин, так и для мужчин. Красивое, броское слово *денди* ассоциируется с неординарностью, вкусом, особым шиком, неотразимостью. С одной стороны, оно подразумевает строгий, рабочий стиль представительного человека: четкие контуры, преобладающий цвет – черный. С другой стороны, это стиль яркий эмоциональный, включающий тенденции в одежде молодежных субкультур.

Было проанализировано употребление понятия «денди» и слова, его обозначающего, в журнале «Домовой» в разделе «мода» за 2002 год. Данное слово часто употребляется в нём, например: *Мужчина, который носит Smalto, – не консерватор, не жертва моды, а настоящий денди, для которого осознание собственной исключительности много важнее общественного мнения* (НКРЯ). Можно сделать вывод о том, что понятие «дендизм» используется не для обозначения каких-либо конкретных направлений в моде, а для описания целостного образа, выражающегося в утонченности и респектабельности. Слово *денди* связывается с броскими названиями и громкими именами, привлекает своей поэтичностью, оно обозначает все самое качественное, ассоциируется с внешним совершенством. Неудивительно, что костюмы денди

призваны создавать имидж людей, занимающих высокое положение в обществе.

Таким образом, изменения в социальной структуре общества, в его политической системе, в его приоритетах и ценностях на протяжении XX-XXI веков повлияли на эволюцию содержания слова *денди*. В начале XX века слово *денди* выступало синонимом слов *богема* и *интеллигенция*, в середине века – понятия «стиляга», в конце века сблизились с лексемой *мачо*. В XX-XXI веках менялась также и коннотация этого понятия – в первой половине XX века, в советском обществе, было резко отрицательное отношение к явлению, выражаемому словом *денди*, как к чему-то чужеродному, отличному от общеустановленного, период Оттепели характеризовался скептицизмом и недоверием, в современном обществе – отношение нейтральное или снисходительное.

В современной лингвокультуре понятие «денди» занимает важное место. Оно нашло отражение в таких формах общественного сознания и культурного бытия, как мораль и эстетика, поскольку денди является носителем набора определенных качеств, а также системы норм и ценностей, создающих в понимании современного человека идеальный образ того, кто ассоциируется с этим словом. В целом различают большое разнообразие подходов и пониманий к самому понятию «денди» и к слову, его обозначающему, в зависимости от позиции и целей автора, а также описываемого времени. Часто суждения поверхностные, слово трактуется все более упрощенно, сливаясь в обыденном понимании с франтовством, пижонством. Можно выделить дендизм, воспринимаемый как явление в качестве делового стиля в современной одежде. В широком понимании этот термин включает такие проявления, как внимание к внешнему виду, спортивность, выхоленность безотносительно внутреннего содержания. В более узком понимании термин *дендизм* включает смысловые оттенки такие, как элитарность, изысканность, оригинальность, состоятельность, представительность. Следовательно, проведенный анализ позволяет говорить о том, что данное понятие, появившись в русской языковой картине мира во второй четверти XIX века, существует и в современной русской лингвокультуре.

Литература

НКРЯ – Национальный корпус русского языка. URL: <http://www.ruscorpora.ru>

Пушкин А.С. Евгений Онегин // Сочинения: в 3 т. Т. 2. Поэмы; Евгений Онегин; драматические произведения. М.: Худ. литер., 1986. С. 186-353.

Longman Concise English Bictionary. Harlow (Essex): Longman, 1985.

A.D. Efimova (Orekhovo-Zuyevo, Russia)

THE EVOLUTION OF THE NOTION *DANDY* IN THE RUSSIAN SOCIETY OF XX-XXI CENTURIES

This article is devoted to the analysis of the history of appearance, formation, and development of the linguocultural notion *dandy* in the Russian society. In the process of investigation the peculiarities of the content of the lexeme *dandy* and the regularities of its evolution in XX-XXI centuries were discovered, the connotations of the meaning of the given lexeme and its synonyms were established. The connection of the political and social changes in the society with the understanding of the notion *dandy* and the word, standing for it, and with the attitude to it in different historical periods is stated. Different points of view and approaches to the definition of the content of the notion *dandy* are marked in the given investigation.

Key words: linguistic and culture studies, dandy, notion, anthropocentrism, cultural existence.

Е.А. Иванова (Челябинск, Россия)

РЕКОНСТРУКЦИЯ ПОСЛОВИЧНОГО КОНЦЕПТА И ПРОТОТИПА *ДУША* В РУССКОМ И АНГЛИЙСКОМ ЯЗЫКАХ

Настоящая статья посвящена реконструкции концепта и прототипа *ДУША* в русских и английских поговорках. Когнитивный аспект исследования позволяет выявить закономерности и различия в видении мира, свойственные разным народам. Автор статьи осуществляет попытку проанализировать и сопоставить пословичный концепт и прототип, которые по структуре представляют набор когнитивных, пропозициональных единиц знания, функционально значимых для описания когнитивной модели поговорки.

Ключевые слова: поговорка, концепт, прототип, когнитивная модель поговорки.

DOI: 10.20916/2071-9639-2016-25-634-641

Мир пословиц многолик и интересен. Пословицы хранят знания о мире и человеке, отражают мировосприятие народа, опыт целых поколений. Это, в свою очередь, дает большие возможности для изучения паремий в рамках когнитивной лингвистики. Основной целью таких исследований является выявление закономерностей постижения мира и установление различий в видении мира, свойственных разным народам.

В качестве предмета исследования концепт ДУША был выбран не случайно. Когда речь заходит о русском характере, первая ассоциация – это загадочная русская душа. И одна из самых часто воспроизводимых русских пословиц «Чужая душа – потемки», так же поддерживает идею загадочности. В английском языке также есть пословица “Another man's soul is always dark”, что позволяет отнести эти пословицы к маркерам общего пословичного менталитета, так как здесь совпадают когнитивные уровни значения и внутренней формы, что демонстрирует совпадение закрепленного в виде пословицы социального опыта.

Можно ли и дальше проследить подобное единообразие при детальном изучении концепта ДУША в русских и английских паремиях? В этой связи процитируем венгерско-английского юмориста Джорджа Микеша, который так писал о славянской душе: «Худший вид души – это великая славянская душа. Страдающие от нее – обычно очень глубокие мыслители. Они могут говорить такие, например, вещи: «Иногда я так весел, а иногда так грустен. Вы можете объяснить причину?» (И не пытайтесь.) Или они могут сказать: «Я такой таинственный... Мне иногда хочется перенестись куда-нибудь совсем в другое место». Или: «Когда я ночью забредаю в лес и прыгаю с дерева на дерево, жизнь кажется мне такой странной!» Об английской душе автор пишет более лаконично: «У англичан души нет. Вместо души у них подтекст» [Микеш 2007: 38].

В статье мы рассмотрим фрагмент пословичной картины мира, репрезентирующий концепт ДУША в русском и английском языках. Вслед за В.Н. Телия, под пословичным концептом будем понимать все знание об объекте, которое получаем из анализа содержательного плана пословиц. По структуре пословичный концепт – это совокупность когнитивных, имеющих отношение к объекту. В свою очередь, прототип представляет собой идеальную мыслительную репрезентацию какого-либо концепта [Корнилов 2011: 152].

Включая все знание об объекте, концепт отражает всю категорию, тогда как прототип – это центральный член этой категории. Причем при реконструкции какого-либо концепта не всегда возможно выде-

лить прототип данной категории. Опираясь на мнение Е.В. Ивановой, будем использовать статистический подход для определения прототипических когнитивных [Иванова 2006: 113], т.е. если какая-то единица знания (когнитема) повторяется несколько раз в разных паремиях, значит это знание является существенным, значимым для социального опыта народа.

Реконструкцию пословичного концепта начинаем со сравнения объема семантики слов *soul* и *душа* по данным словарей двух языков. Анализ словарных дефиниций не является собственно методом когнитивной лингвистики, однако когнитивный анализ на сегодняшний день, особенно в его приложении к парадигматическим языковым единицам, очень близок традиционному семантическому анализу и в любом случае опирается на него.

Итак, приведем словарные дефиниции слов *soul* и *душа*.

Soul. 1) A person's soul is a spiritual part of a person (that) which is believed to continue existing after a body is dead; 2) Your soul is also your mind, character, thoughts and feelings; 3) The soul of a nation or a political movement is a special quality that it has that represents its basic character; 4) A person can be referred to as a particular kind of soul; 5) You use soul in negative sentences to mean "nobody at all".

Душа. 1) Внутренний психический мир человека, его переживания, настроения, чувства. По религиозным представлениям: бессмертное нематериальное начало в человеке, отличающее его от животных и связывающее его с Богом. 2) Совокупность характерных свойств, черт, присущих личности; характер человека. 3) (разг.) Человек. 4) (уст.) Крепостной крестьянин. 5) (разг.) Дружеское фамильярное обращение («Душа моя!»). 6) (перен.) Самое основное, главное, суть чего-либо.

Анализ словарных дефиниций показывает, что объем семантики этих слов примерно одинаковый. Однако обращаем внимание на следующие нюансы: в английском языке душа как бессмертное, нематериальное начало рассматривается, скорее, в религиозном смысле, в русском языке происходит разграничение религиозной трактовки и более общего, философского понимания души как внутреннего психического склада человека. Кроме того, в русской традиции определение понятия «душа» носит больше эмоциональный характер (внутренний мир человека, его переживания, настроения, чувства), в то время как в английском языке душа определяется словами в такой последовательности:

ум, характер, мысли и чувства, т.е. здесь превалирует рациональное начало над эмоциональным.

Теперь обратимся к анализу употребительности этих слов в паремиях и к реконструкции собственно пословичного концепта. Русские пословицы с данным концептом обнаруживают значительное количественное преобладание (8 единиц – английских, 98 единиц – русских). Сначала рассмотрим небольшую группу английских паремий, выделив основные когнитемы на уровне значения. Под когнитемой, вслед за Е.В. Ивановой, понимаем пропозициональную единицу знания, реконструируемую при анализе пословичного фрагмента и функционально значимую для описания когнитивной модели одной пословицы, фрагмента или всей пословичной картины мира [Иванова 2006: 97].

Итак, в английских паремиях чаще всего встречается следующая когнитема “it's difficult to understand a person's true nature”.

- *You can't read another man's soul.*
- *Another man's soul is always dark.*
- *The soul of another is a dark place (a dark forest, a dark chamber).*
- *Another man's soul is a mystery.*

Причем в английском языке встречаем паремии с этой же когнитемой, но компонент “soul” заменен на компоненты “heart” и “mind”:

- *A stranger's heart is a deep well – it's too dark there to see well.*
- *Another man's mind is a close book.*

Следующие когнитемы, образующие концепт SOUL, выделимы в одной-двух пословицах:

- “appearance is misleading” – *A little body often harbors a great soul;*
- “pettiness leads to failure” – *A penny soul never came to twopence.* Здесь *существительное soul выступает в значении “a person of a stated type” => “a petty, mean person”.*

В следующей паремии обнаруживаем совпадение значения и внутренней формы: *Confession is good for the soul.*

И еще в двух паремиях компонент soul выступает в значении “essence, the main thing”:

- *Brevity is the soul of wit;*
- *Punctuality is the soul of business.*

Эти паремии построены по аналогии, в них обнаруживается общая схема построения внутренней формы. Однако данные паремии

нельзя использовать для описания концепта SOUL, так как этот компонент явно выполняет в пословицах второстепенную роль, раскрывая смысл собственно концептов BREVITY и PUNCTUALITY.

Как мы уже отметили выше, в русском языке поговорки, репрезентирующие концепт ДУША, значительно превосходят по численности английские поговорки. Кроме того, в большинстве русских поговорок душа выступает как абстрактное понятие, указывая на внутренний психологический мир человека, его душевные и духовные качества.

В ряде поговорок представлена следующая когнитивная тема «душа выше, главнее тела», духовное начало противопоставлено мирскому, телесному:

- Душа не принимает, а глаза все больше просят.
- Душа просит шампанского и ананаса, а тело – водки и огурца.
- Душа прохладе любит, а плоть – пар.
- Душа и редькой питается, а тело масло любит.
- Душа согрешила, а спина виновата.

Душа в русских поговорках противопоставлена не только телу, но и даже сердцу, которое отвечает за область чувств:

- Рад бы сердцем, да душа не принимает.
- Сердце – вещь, а душа – лира.

Следующая когнитивная тема демонстрирует религиозные представления русского человека «душа связывает человека с Богом»:

- Душа одинокого – Божий чертог.
- Жив Бог – жива душа моя.
- Не встанет свеча перед Богом, а встанет душа.
- Тело – государево, душа – божья, спина – барская.

В большой группе поговорок выделяется когнитивная тема «чужая душа не понятна другому человеку». Это общая когнитивная тема для пословичных концептов двух языков:

- Чужая душа – потемки (темный лес, дремучий бор).
- Чужая душа – не гумно: не заглянешь.
- В чужую душу не залезешь.
- Душа чужая – тайна для познания.

Еще одна общая для двух языков когнитивная тема «за внешней непривлекательностью может скрываться добрая душа»:

- Голова плешива, зато душа тонка.
- Сам стар, да душа молода.
- Борода сивая, да душа красивая.

Особенностью русских паремий является то, что встречается и противоположная по смыслу когнитема «за внешней привлекательностью может скрываться ничемный человек». Русские паремии показывают многоликость людской природы, душа в пословицах не всегда со знаком +:

- *Собой красив, да душа трухлява.*
- *Повадки волчьи, а душа заячья.*
- *Всем бы хороши, да душа коротенькая.*

Несколько паремий представляют когнитему «душа скрыта от глаз» (ее не видно, она не материальна, сокровенна):

- *Как в кремне огонь не виден, так в человеке душа.*
- *Лес горит – все видят, а душа горит – никому не видно.*
- *Никто не увидит, как душа выйдет.*

Однако в таком большом пословичном фрагменте есть место и противоположным по смыслу пословицам. Например, «*Большая душа, как большой костер, – издалека видна*». Существование пословиц, противоположных по значению, давно привлекало внимание исследователей. Как отмечает В. Милдер, пословицы не отражают абсолютные истины, напротив, они отражают человеческий опыт, который противоречив по своей природе [Milder 1993: 26].

Часто в русских пословицах человек с доброй душой изображается бедным, и, напротив, богатство делает человека черствым и бездушным:

- *Хоть мошна пуста, да душа чиста.*
- *На рынке вместе с товаром и душа продается.*
- *Скупому душа дешевле гроша.*
- *В богатстве сыто брюхо, но голодна душа.*

Анализ паремий показывает, что в русском пословичном фрагменте можно реконструировать не только концепт ДУША, но и прототип, т.к. несколько когнитем превышают порог прототипической значимости в 5 единиц. В английском языке можно выделить только концепт ДУША, который гораздо менее детализирован, чем в русском паремиологическом пространстве. Неслучайно Ю.А. Апресян считает, что ДУША – национально-окрашенный русский концепт, т.е. он, конечно, имеет соответствия в других культурах, но обладает набором сугубо русских характеристик.

О.А. Корнилов относит подобные абстрактные понятия к категории национально-специфических прототипов. Автор отмечает: «Знание на-

ционально-специфических прототипов общих для большинства языков концептов – это составная часть когнитивной базы любого социума, объединенного общим языковым сознанием» [Корнилов 2011: 162]. Национально-специфический характер прототипа ДУША подтверждает и тот факт, что часто в русских поговорах концепт ДУША раскрывается через другие национально-специфические концепты, такие как УДАЛЬ, ПРОСТОР, ТОСКА:

- *Озеро не бывает без камыша, душа – без тоски.*
- *Душа простор любит.*

Но в характере русского человека тоска и душевные страдания причудливым образом переплетаются с широтой души, русским хлебосольством, русскими гуляниями с песнями:

- *Коль душа широкая – угощение найдется.*
- *От дождя травы расцветают, а от песни – душа.*
- *Гуляй, душа, нараспашку.*
- *Всякая душа празднику рада.*
- *Душа сытого жаждет песен.*
- *Голосу нет – душа поет.*

Итак, несомненным является тот факт, что национально-специфический прототип ДУША – один из ключевых в русской паремиологической картине мира, так как отражает устойчивые, глубинные черты национального менталитета. В английской паремике сходным по значимости будет, скорее всего, концепт MIND, который вбирает в себя и склад ума, и мысли, и память. Ведь не случайно мы говорим: «Глаза – зеркало души», а британцы: “*The face is the index of the mind*”.

Литература

Иванова Е.В. Мир в английских и русских пословицах: учебное пособие. СПб.: СПбГУ, 2006.

Корнилов О.А. Языковые картины мира как производные национальных менталитетов. М.: КДУ, 2011.

Микеш Дж. Как быть иностранцем. М.: Б.Г.С.-ПИРЕСС, 2007.

Milder W. Proverbs are never out of fashion. Popular wisdom in the modern age. N.Y.: Oxford University Press, 1993.

E.A. Ivanova (Chelyabinsk, Russia)

THE RECONSTRUCTION OF THE PROVERBIAL CONCEPT AND PROTOTYPE SOUL IN RUSSIAN AND ENGLISH

The article focuses on the reconstruction of the concept and the prototype SOUL in Russian and English proverbs. The cognitive aspect of the research allows exposing regularities and differences in the vision of the world peculiar to different nations. The author of the article makes an attempt to analyze and compare the proverbial concept and prototype, the structure of which constitutes a set of cognitive themes, propositional units of knowledge, functionally relevant to the description of a cognitive model of a proverb.

Key words: proverb, concept, prototype, cognitive theme, cognitive model of a proverb.

V.V. Корнева (Воронеж, Россия)

КАТЕГОРИЯ ПРЕДМЕТНОСТИ И КАТЕГОРИЗАЦИЯ ПРИРОДНЫХ РЕАЛИЙ В ИСПАНСКОМ ЯЗЫКЕ

Предметом анализа являются слова, обозначающие горизонтально и вертикально ориентированные природные реалии в испанском языке. Выявляются отраженные в них категориальные признаки, лежащие в основании категоризации соответствующих реалий и их связь с категорией предметности в испанском языке.

Ключевые слова: категория, категоризация, географическое пространство, горизонталь, вертикаль, природная реалья.

DOI: 10.20916/2071-9639-2016-25-641-646

Введенное в научный оборот еще Аристотелем понятие «категория» за многовековую историю своего существования неоднократно становилось предметом изучения и в разных лингвистических школах и направлениях получало разное осмысление. В когнитивно-дискурсивной научной парадигме категории стали рассматриваться с принципиально иных позиций – как определенные структуры (форматы) знаний, которым принадлежит важная роль в организации сведений об окружающем мире и в оперативном их использовании и интерпрета-

ции человеком. В связи с этим особую актуальность приобретают исследования принципов категоризации предметов и явлений действительности.

Известно, что категории – явление сложное. В частности, категория предмета (или предметности) включает в себя такие категории, как размер, форма, материал и т.д. [Фрумкина 1991: 8]). Формирование любой категории происходит благодаря взаимодействию нескольких категорий. При этом последние понижаются в ранге, в связи с чем при анализе когнитивной структуры той или иной категории правомерно, на наш взгляд, говорить не о категориях, а о категориальных признаках. Категория предметности принадлежит к числу общих категорий и ее категориальные признаки в той или иной степени задействованы в частных категориях.

Языковое означивание категорий происходит на лексическом уровне, именно лексемы репрезентируют первичный (или базовый) уровень категоризации, в связи с чем зафиксированные в испанских толковых словарях [DRAE 2001] номинации можно изучать как отраженный в единицах языка процесс категоризации различных предметов и явлений.

Принципиально важной чертой категоризации географического пространства является разграничение горизонтально и вертикально ориентированных природных объектов (см.: [Корнева 2014a]), что является отражением фундаментального членения пространства на горизонталь и вертикаль.

К числу горизонтально ориентированных природных реалий относятся равнина, плоскогорье, поле, долина и луг. На каком же основании происходит выделение этих естественных категорий из окружающего пространства в испанском языке?

Универсальными категориальными признаками практически всех горизонтально ориентированных природных реалий являются признаки «ровная поверхность» и «размер». Большой размер имеют такие природные объекты, как равнина (*llanura* ‘ровная и обширная территория, без колебаний высот’), плоскогорье (*meseta* ‘плоскогорье, обширная равнина, расположенная высоко над уровнем моря’), поле (*campo* ‘обширная территория вне населенного пункта’) и долина (*valle* ‘равнина среди гор или других видов возвышенности’). Вместе с тем в испанском языке признак «размер» часто выступает в качестве дифференциального признака, лежащего в основе выделения отдельных раз-

новидностей той или иной реалии. Ср. *llano* ‘ровное поле’ и *llanura* ‘ровная и обширная территория’; *prado* ‘луг’ и *pradera* ‘большой луг’.

Принципиально важное значение для категоризации горизонтально ориентированных природных объектов имеет признак «местонахождение». Так, плоскогорье (*meseta*) отличается от других природных реалий тем, что находится высоко над уровнем моря; поле (*campo*) – вне населенного пункта, луг (*braña*) – в горах и долина (*valle, vega, nava*) – среди гор. Как вытекает из сказанного, признак «местонахождение» – категория переменная и пространственная локализация каждого природного объекта осуществляется относительно разных точек отсчета – варьируется.

В основе разграничения луга и долины лежат категориальные признаки «наличие растительности» и «наличие влаги». Луг для носителей испанского языка – это место, где растет трава или где сеют траву для выгула скота. Следовательно, категоризация этого природного объекта отличается наличием специфического признака «утилитарная оценка». Тот же самый признак «утилитарная оценка» служит для выделения таких разновидностей долины, как *valle* ‘равнина среди гор или других видов возвышенности’, *vega* ‘плодородная долина’ и *nava* ‘ровная территория, где не растут деревья, иногда заболоченная, в основном расположенная среди гор’. Дифференциальными категориальными признаками природной реалии, репрезентируемой лексемой *nava*, являются «отсутствие древовидной растительности» и факультативный признак «наличие стоячей воды» (болотистая). Категориальный признак «наличие влаги» в природном объекте *nava* дополнительно квалифицируется как «стоячая вода», что приводит к заболоченности местности и, как следствие, невозможности произрастания деревьев. Сказанное позволяет утверждать, что и в этом случае в основе разграничения отдельных разновидностей долины доминантная роль принадлежит признаку «утилитарная оценка».

О важности этого признака для категоризации географического пространства свидетельствует тот факт, что в испанском языке выделяется еще один природный объект – *páramo* ‘холодная голая местность’, который противопоставлен и лугу, и долине.

Таким образом, в испанском языке в категоризации горизонтально ориентированных природных реалий задействован в полном объеме лишь один базовый признак категория предметности – признак «размер», хотя в целом набор категориальных признаков весьма репрезентативен. Кроме универсальных признаков «ровная поверхность», «раз-

мер» и «местонахождение», в них отмечены также дифференциальные признаки «наличие/отсутствие растительности», «наличие/отсутствие влаги» и «утилитарная оценка». Состав этих признаков заметно меняется в зависимости не только от вида природного объекта, но и от отношения отдельных его разновидностей, подводимых под общую категорию – равнина, долина или луг. В то же время в категоризации природных объектов не участвует столь значимый для русской лингвокультуры признак предметности «форма» [Корнева 2014б], равно как и признак «материал». Вероятно, такое положение дел обусловлено своеобразием самих природных реалий и особенностями мировосприятия испанского этноса.

У возвышенности как особой естественной категории к числу универсальных категориальных признаков относятся «размер», «материал» и «высота», причем именно высота является дифференциальным признаком, который лежит в основе выделения и противопоставления возвышенности другим элементам рельефа, а также в разграничении разновидностей одной и той же реалии. О доминантной роли данного категориального признака в испанской лингвокультуре свидетельствует тот факт, что он представлен в виде трехчленной оппозиции: «большая высота», «средняя высота» и «малая высота». Соответственно разные виды возвышенности квалифицируются в испанском языке как очень высокие горы (*monte, montaña*) и скалы (*peña, peñasco, roca*), средневысокие горы (*altozano, collado, cerro, otero*) и небольшие возвышенности (*colina, loma, montículo, duna*) (см. [Корнева 2014б; 2014в]). В свою очередь, внутри выделенных групп возвышенности может происходить дальнейшая дифференциация природных объектов на основании признака «высота». Ср. *monte* ‘высокая гора’ и *montaña* ‘гора’.

Признак «размер» в испанской лингвокультуре имеет меньшую значимость для категоризации вертикально ориентированных природных объектов. Важно отметить, что в них, как и в случае категоризации горизонтально ориентированных природных объектов, актуализируется лишь признак «большой размер». По данному признаку горы (*monte, montaña*) и скалы (*peñasco* и *roca*) противопоставлены другим видам возвышенности.

Дифференциальными признаками вертикально ориентированных природных объектов являются не только «высота», но и «материал», согласно которому выделяются каменные возвышенности – скалы (*peña, peñasco* и *roca*) и песчаные – дюны (*duna*), а также признак «ме-

стонахождение». При этом, как и при категоризации горизонтально ориентированных природных объектов, признак «местонахождение» получает разную интерпретацию. В одних случаях речь идет о разграничении местонахождения объекта (скалы) только на суше (*peña* и *peñasco*) или на суше и в воде (*roca*); в других – одиночное или групповое расположение (*altozano*, *cerro*, *otero*, *montículo* и *collado*, *colina*, *loma*); в третьих – местонахождение в пределах другого природного объекта (*altozano* и *otero* – холм на равнине; *duna* – холм в пустыне).

Базовый признак категории предметности «форма» отмечен лишь у одной реалии – *loma* ‘удлиненная возвышенность’. Однако в целом базовые признаки категории предметности, включая признаки «размер» и «материал», весьма существенны при категоризации вертикально ориентированных природных объектов.

Таким образом, согласно полученным данным, в испанском языке принципиально важными для категоризации объектов географического пространства являются универсальные признаки «размер» и «местонахождение». Состав остальных признаков значительно варьируется в зависимости от того, к какой группе относится тот или иной природный объект – к группе горизонтально ориентированных природных объектов или к группе вертикально ориентированных природных объектов.

Литература

Корнева В.В. Категоризация горизонтально ориентированных природных реалий в языковом сознании этноса // Когнитивные исследования языка. 2014а. Вып. XVII. С. 241-248.

Корнева В.В. Универсальное и специфическое в категоризации природных реалий // Субъект познания и коммуникации: языковые и межкультурные аспекты: сб. науч. тр. / отв. ред. Л.В. Цурикова, Л.Ю. Щипицина. Воронеж: «НАУКА-ЮНИПРЕСС», 2014б. С. 281-293.

Корнева В.В. Категоризация возвышенности в испанской и русской лингвокультурах // Вестник Воронежского гос. ун-та. Серия: лингвистика и межкультурная коммуникация. 2014в. № 4. С. 228-229.

Фрумкина Р.М. Семантика и категоризация. М.: Наука, 1991.

DRAE – Diccionario de la Lengua Española de la Real Academia Española. Madrid: Espasa Calpe, S.A., 2001.

V. V. Korneva (Voronezh, Russia)

THE CATEGORY OF OBJECT AND CATEGORIZATION OF NATURAL REALIA IN SPANISH

The paper analyses lexemes denoting horizontal and vertical geographic natural realia in Spanish. Categorical features of the words are used as the basis for categorization of natural realia. The author makes an emphasis on relation between the category of object and categorization of natural realia in Spanish.

Key words: category, categorization, geographic space, horizontal line, vertical line, natural realia.

Е. В. Кривенко (Новосибирск, Россия)

СЕМИОТИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ РОДИННОГО ЗАГОВОРНОГО ТЕКСТА (НА МАТЕРИАЛЕ ФРАНЦУЗСКОГО, АНГЛИЙСКОГО И РУССКОГО ЯЗЫКОВ)

В статье дается описание родинного заговора, проводится сравнительный анализ текстов и сопровождающих заговор ритуалов, особое внимание обращается на бинарные оппозиции как признак перформативности заговорного текста. Вывод формируется на основе лингвистического и культурологического исследования.

Ключевые слова: заговор, перформатив, бинарные оппозиции, инвокации, иллюкитивность.

DOI: 10.20916/2071-9639-2016-25-646-650

Изменение положения человека обычно влечет за собой взаимодействие светского и сакрального, считает А. ван Геннеп. «Оно (изменение в положении) требует регламентации и соблюдения ритуала, дабы общество в целом не испытало затруднений и не понесло ущерба» [Геннеп 1999: 23]. Эти церемонии имеют одну цель, а именно обеспечение человеку переход из одного состояния в другое, так как он должен пройти многие этапы и преодолеть многочисленные барьеры. Как правило, церемонии по поводу рождения ребенка – это предохранительные обряды и обряды предсказания. А. ван Геннеп говорит о трех этапах обрядов: отделе-

ние, промежуточный период с постепенным снятием ограничений и включение в обычную жизнь

Физиологические стадии человеческой жизни, такие как зачатие, беременность, роды, наступление половой зрелости, бракосочетание, смерть, всегда облекались верованиями и обрядами. «При родах, перед ними и после них, отправляются различные магические обряды, которые должны отвести опасности и снять возможные влияния колдовства; проводятся ритуалы очищения, общинные празднества и церемониальные представления новорожденного высшим силам и обществу» [Малиновский 1998: 20].

Заговоров на облегчение родовой деятельности не слишком много, из проанализированных 280 текстов заговоров на русском, французском и английском языках, лишь около 4 процентов (13 заговоров) являются заговорами на родоразрешение. Этот факт может быть объяснен как специфичностью текстов, так и узкой специализацией. Данные заговоры имеют прежде всего функцию защиты, чем объясняются номинативные призывы к Богородице, олицетворяющей материнские страдания и сострадание к женским судьбам. В 6 русских текстах – 8 обращений к Богородице. Интересен факт, что в некоторых случаях в заговоре идет повествование, а не призыв, показывая, что даже упоминание имени Богородицы может сыграть важную функцию защиты роженицы и ребенка.

Господа Бога Мать Пресвятая Богородица на помощь призывала, и все скорби и болезни обмывала... Сама Мать Богородица Своего Сына Христа обмывала, и намъ, для младенцевъ, ополощинки посылала [Майков 1869: 31].

“By Christ, I said, this [miracle] has been manifested.”– «Именем Христа, я сказал, это чудо проявилось» [Grendon 1909: 207]. Данный вид инвокации является модально эксплицитной инвокацией, при которой «делегирование, исходящее обычно от группы к индивидууму, в данном случае понимается как исходящее от богов к индивидууму» [Кривенко 2015: 8]. Французские заговоры включают в себя латинские тексты и псалмы.

Glorieuse Vierge Marie, Mère de Dieu ... O mère de Dieu, – Славная Дева Мария, Матерь Божия ... о Матерь Божья [Camus 2013: 50].

Maria peperit Christum – Мария родила Иисуса Христа.

Elisabet sterilis Johannem Baptistam – Элизабет была бесплодна, Иоанн Креститель [Lecouteux 1996: 17].

По версии К. Лекуто, считалось, что Святая Дева Мария, Бог и святая Елизавета являются главными во время родов. В XII веке христиане также использовали следующий заговор, который они писали на хлебе: *Adam †Adam † Adam † viens dehors †Dieu t'appelle † sainte Marie, libère ta servante N.* – Адам † Адам † Адам† выходи наружу† Бог зовет тебя † Святая Мария, освободи рабу твою Н. [Lecouteux 1996: 17].

В русской народной традиции роды представлялись как открывание «ворот телесных» [Познанский 1995: 128]. По законам симпатической магии [Фрззер 1980], во время родов было принято открывать все замки, двери, ящики в доме, где была роженица. Подобный обычай, судя по всему, берет свое начало из апокрифа о Богородице, открывшей врата храма на Сионской горе.

... *Пресвятая Мати Богородица, соходи съ престола Господня и бери свои золотые ключи и отпирай и рабы Божией (имя рекъ) мясные ворота...* [Майков 1869: 30].

Основные семиотические оппозиции в заговорах ценностно окрашены по принципу плохой/хороший – левый/правый, западный/восточный, четный/нечетный.

Изнутри-наружу является характерным для родинных заговоров противопоставлением, так как являет собой метафорический акт рождения – изнутри – из утробы матери – наружу.

...*si ve sis masculus an femina ut exeas de uulua ista exinanite exinanite.* Или если ты мужского пола или женского, Выходи из чрева этого. *Покинь, покинь* [Lecouteux 1996: 17].

Viens dehors, Dieu t'appelle. Выходи наружу, Господь тебя призывает [Lecouteux 1996: 17].

Вяч. Иванов говорит о том, что подавляющее число мифологий и систем обрядов имеют общую характерную особенность: левая сторона соотносится с женским, а правая с мужским [Иванов 2009: 506]. Правая рука в большинстве культурных традиций символизирует мужское по сравнению с левым – женским. С.Г. Проскурин иллюстрирует этот тезис семантической мотивировкой *swidr*, где лексема *swithra* восходит к форме сравнительной степени прилагательного *swith*, но и примерами из памятников, в которых «правая рука часто описывается как агрессивная, держащая меч В Библии правая сторона рассматривается как защищающая, сторона рая. Из-за социокультурного компонента происходит семантический переход «праведный» – «правый» [Проскурин 1990: 22]

Во французском заговоре псалом Давида должен быть написан на новом горшке, который следует встряхнуть трижды и положить под правую ногу роженицы [Lescouteux 2008: 101].

В англо-саксонском заговоре роженица должна перешагнуть через могилу мудрого человека, проговаривая, что это лечение от мучительных родов. Она не просто делает шаги по земле, а перешагивает через могилу – соприкасаясь и обращаясь, таким образом, к миру мертвых – мертвые особо почитались в древней Англии [Grendon 1909: 123]. Затем женщина перешагивает через своего мужа – уже на постели – взывая к миру живых. Становится очевидным оппозиция живой-мертвый. Усиливает обращение к миру живых и требование благополучного разрешения от бремени, и тот факт, что затем, роженица должна пойти в церковь, пройти перед алтарем и сказать:

By Christ, I said, this [miracle] has been manifested.

Именем Христа, я сказала, это чудо проявилось.

Оппозиция живой – мертвый усилена заговорным текстом, включающим в себя эмоционально окрашенные эпитеты – перечисления неудачных родов. Перешагивая через могилу, женщина должна сказать:

This be my cure for the loathsome late-birth – Будь это моим лечением от отвратительных задерживающихся родов.

Родинные тексты заговоров имеют четкую охранную функцию, поэтому сопровождаются воззваниями к Деве Марии и к Иисусу Христу. Упоминания имен святых и известных персонажей, родившихся и родивших без проблем, придают заговорам большую иллюзивность и несут защитную функцию. При относительно схожих символах наблюдается различие в понимании и интерпретации, что выявляет проблему культурного фильтра.

Литература

Геннеп А. ван. Обряды перехода. Систематическое изучение обрядов. М.: Издательская фирма «Восточная литература» РАН, 1999.

Иванов Вяч. В. Избранные труды по семиотике и истории культуры. Т. 5. М.: Знак, 2009.

Кривенко Е.В. Инвокации как условие перформативности в заговорах (на примере французского, английского и русского языков) // Сибирский филологический журнал. 2015. Вып. 1. С. 6-11.

Майков Л. Великорусские заклинания. С.-Петербург: Типография Майкова, 1869.

Малиновский Б. Магия, наука и религия. М.: Рефл-бук, 1998.

Мелетинский Е.М. Мифологический словарь. М.: Советская энциклопедия. 1990.

Познанский Н. Заговоры. Опыт исследования происхождения и развития заговорных формул. М.: Издательство Индрик, 1995.

Проскурин С.Г. Древнеанглийская пространственная лексика концептуализированных областей: автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 1990.

Топорков А.Л. Русские заговоры из рукописных источников XVII – первой половины XIX в. М.: Индрик, 2010.

Топоров В.Н. Исследования по этимологии и семантике. Т. 1. М.: Языки славянской культуры, 2004.

Фрэзер Дж. Золотая ветвь: исследование магии и религии. М.: Политиздат, 1980.

Camus D. Paroles magiques. Enquête sur les secrets de guérison. Paris: Imago, 2013.

Grendon F. Anglo-Saxon charms. New-York: Columbia University Press, 1909.

Lecouteux C. Charms, conjurations et bénédictions. Lexique et formules. Paris : Honoré Champion, 1996.

Lecouteux C. Le livre des Grimoires. Paris: Imago, 2008.

E. V. Krivenko (Novosibirsk, Russia)

SEMIOTIC FEATURES OF BIRTH CHARMS (ON THE MATERIAL OF THE FRENCH, ENGLISH AND RUSSIAN LANGUAGES)

The birth charms are described in the paper, the comparative analysis of the charms texts and accompanying rituals is made. Special attention is paid to the binary oppositions as a sign of performativity of the charming texts. The conclusion is made on the basis of linguistic and cultural research.

Key words: charms, spells, performativity, binary oppositions, invocations, illocutivity.

Н.Ю. Моспанова (Брянск, Россия)

**СЕМАНТИЧЕСКОЕ НАПОЛНЕНИЕ НЕКОТОРЫХ ЛЕКСЕМ,
ПРЕДСТАВЛЯЮЩИХ КОНЦЕПТ ВЕРА
В РУССКОЙ НАРОДНОЙ СКАЗКЕ**

Статья посвящена изучению лексических репрезентантов концепта ВЕРА в русской народной волшебной сказке. Представлена христианская лексика, реализация ее ядерных и периферийных сем в текстах сказок, сакральное и бытовое употребление.

Ключевые слова: христианство, Бог, грех, вера, концепт, семантические признаки, средства репрезентации, русская народная сказка

DOI: 10.20916/2071-9639-2016-25-651-657

Одним из важнейших направлений в изучении языка является изучение взаимодействия языка и этноса, этноса и культуры, описания языковой картины мира и языковой личности в различных ее проявлениях. Активно развивается понятие «концепт», «концептосфера», «культурный концепт», «культурные константы» как ключевые составляющие своеобразия национально-культурного мировоззрения и мировосприятия, «результата столкновения словарного значения слова с личным и народным опытом...» [Лихачев 1993: 7].

В трудах исследователей (В.Н. Телия, Ю.С. Степанова, В.Г. Воркачева, Н.Ю. Арутюновой и др.) представлены разные интерпретации концепта. Однако традиционно к ключевым, отражающим национально-культурную, ментально-психологическую ориентацию русского народа, относятся концепты ПРАВДА, БОГ, ВЕРА, ДОБРО, СВОБОДА, СУДЬБА и др.

Концепт – явление историческое, в нем одни элементы затушевываются, другие возникают вновь, третьи – переосмысливаются. Поэтому в русской народной сказке языковое представление о христианстве, семантическое наполнение лексем-репрезентантов концепта ВЕРА имеет ряд особенностей.

Русская сказка, а особенно волшебная, отражает своеобразие древнего мифологического мышления, а потому в ней много языческих представлений, переосмысленных древнейших обрядов и т.д., что связано с поэтическим вымыслом, с «обломками другой правды, входящей к другому типу культуры» [Лотман 1987: 10]. Христианские

наслоения – явление более позднее. В связи с этим религиозные мотивы и понятия практически не свойственны сказке, а сакральная лексика в целом малочастотна. Однако и она позволяет составить представление о данном фрагменте фольклорной картины мира.

Вера – «2. Состояние сознания, связанное с признанием существования бога, убеждения в реальном существовании чего-либо сверхъестественного» [МАС 1981: 149]. В первую очередь в сказке эксплицирован ядерный компонент значения – «бог». Его репрезентантами выступают лексемы *Бог* и *Господь*, являющиеся узуальными синонимами. *Бог* – «По религиозным представлениям: верховное существо, сотворившее мир и управляющее им» [МАС 1981: 100].

Бог в сознании русского народа играет особую роль. Он всемогущ (Ср. Даль: «*Все во власти Божьей*», «*Человек гадает, а Бог совершает*» и др. [Даль 1984: 22-28]). Этими же качествами Бог наделен в сказке: *Вот она подошла к колодезю, стала протягивать руки, ей господь и пожаловал – очутились целые руки. Она нагнулась, достала ребенка и стала богу молиться на все четыре стороны (№ 279, с. 367 – здесь и далее номера сказок даются по сборнику «Народные русские сказки А.Н. Афанасьева», 1957). Стала утка нести яички ... стал бедняк продавать их купцам да боярам и куда как разбогател скоро! «Дети, – говорит он, – молитесь богу; господь нашел нас...» (№ 195, с. 62).* Сочетание *нашел нас* говорит о том, что бог услышал молитвы и помог людям. Любовь к богу приносит человеку добро. Ср.: «*Кто любит бога, добра получит много*» [Даль 1984: 23].

«*Господи, помилуй!*», – обращаются герои сказок к Богу, «*Храни тебя Бог*», «*Поезжай с Богом...*» – дают напутствие-оберег в дорогу. Эти фразеологизированные сочетания сохранились в речи до сих пор.

Помощь Божья зависит от соблюдения человеком нравственных законов. Бог в сознании простого человека – верховный судья: милует или карает за грехи («*Бог тебе судья*» и т.д.). Например: *Уж чего они ни пробовали...; так и осталась на попе козлиная шкура. Знамо, господь покарал за великую жадность (№ 258, с. 309).*

Лексикографическая интерпретация лексемы *грех* различна:

Грех – беззаконие, жертва за грех, сам предмет греха [Церковнославянский словарь 1993: 133]. В Словаре отмечается, что в переводе с санскритского языка, из которого, по-видимому, и пришло это слово, *грех* означает то, что «достоин хулы и презрения». Таким образом, грех как беззаконие противопоставлен Богу как высшему Закону.

Подобное толкование находим у В.И. Даля: «Поступок, противный закону Божьему, вина перед Господом» [Даль 1981: 402].

Значение лексемы *грех* в сакральном смысле отражено в «Толковом словаре русского языка начала XXI века – «В христианстве: нарушение действием, словом и мыслью данного Богом нравственного закона, религиозно-нравственных правил, заповедей; поступок, свидетельствующий о таком нарушении» [ТСРЯ XXI в. 2007: 265].

В русской сказке отразились ядерные (в меньшей степени) и периферийные (в большей степени) семы данной лексемы.

Грех рассматривается в первую очередь не как нарушение Божьих заповедей, а с морально-нравственной точки зрения. Так, в сказке находим общечеловеческое представление о грехе, которое созвучно с христианским учением («Не укради», «Не возжелай имущества ближнего своего», «Не возжелай жены ближнего своего» и т.п.). В сказке лексема *грех* эксплицирует конкретные содержательные компоненты «кровосмешение», «блуд»: «Или, – говорит [дядя – племяннице – Н.М.], – грех со мной сотвори, или тебе на свете не жить, и сам пропаду и тебя убью» (№ 210, с. 126). *Обуяла его нечистая любовь, приходит он к родной дочери и говорит: «Твори со мной грех!»* (№ 339, с. 82). На негативную оценку явления указывает лексема нечистый (Ср.: любовь – нечистая любовь). Ср.: грех – «1. У верующих: нарушение религиозно-нравственных предписаний» [МАС 1981: 346]. И если в героических мифах инцест трактуется двойственно, то в сказках инцест оценивается только отрицательно.

Важно подчеркнуть, что грех в сказке – это и конкретный отрицательный поступок (ср.: грех – «2. Предосудительный поступок, ошибка, недостаток» – [МАС 1981: 346]): «*За грехи у тебя эти рога выросли! Повинись: не обманывала ли кого, не обирала ли кого?»* (№ 192, с. 59).

Фольклорные тексты, например, паремии, отражают не абсолютную идею, а только народное восприятие: «*Один бог безгрешен*», «*Един бог без греха*», давая таким образом человеку как бы разрешение на возможность согрешить «*Нет такого человека, чтобы век без греха прожил*», «*Грех сладок, а человек падок*», «*Грех – воровать, да нельзя миновать*». При этом все зависит от самого человека – «*Плохо не клади, во грех не вводи*». В народном сознании всегда есть желание переложить ответственность за поступок, слова на другого человека. Таким образом, «провоцирование» другого человека на совершение безнравственного поступка как будто смягчает его вину. Русская же

сказка осуждает грех, наделяя способностью его совершать отрицательных персонажей при однозначной, статичной их характеристике.

Религиозный смысл несут в волшебной сказке устойчивое фразеологизированное сочетание крестная сила и прилагательные крещеный, православный. Лексемы обладают явно положительной оценочностью: «Сидит в горнице красная девица и говорит ему: «Неладно, православный, ты сюда попал! Здесь живет ведьма, летает она по дорогам на соколе и ловит крещеный народ к себе на мытарства...» (№ 176, с. 451). В текстах сказок лексемы крещеный и православный употребляются как синонимы и наделены положительными коннотациями. Православный человек в сказке противопоставляется ведьмам, нечистой силе и злым королям в чужих государствах.

Представлены в сказке и «атрибуты» православия, например, ладан, икона (образ). Например: «...купил ладану, сложил в поле и зажег: воскурилось благоухание и пошло к богу на небеса. Вдруг является ангел: «Господь приказал спросить, чего ты желаешь?» (№ 216, с. 162). Ладан – «Ароматическая смола, употребляемая для курений при религиозных обрядах» [МАС 1981: 160]. Ангел – «В религиозном представлении: сверхъестественное существо, посланец бога» [Там же: 370].

Ангел – черт – традиционная религиозная оппозиция, которая входит в ядерные репрезентанты концепта ВЕРА.

Все представители нечистой силы (нечисти) принадлежат к «отрицательному», «нездешнему», чужому, потустороннему миру (иногда к аду), который противопоставлен миру положительному, здешнему. Сказка наделяет этих персонажей множеством имен: сатана, черт (чертенок), нечистый, нечистый дух, нечистая сила, дьяволы, Ерахта.

МАС [1981: 669] указывает следующие значения слова *черт*, которые содержат отрицательную оценку: «1. По религиозным представлениям: сверхъестественное существо, олицетворяющее собой злое начало; дьявол, бес». 2. Прост. Употребляется как бранное слово».

Праславянское *чьерт* значит «проклятый», «перешедший черту, границу» [Мифологический словарь 1993: 6]. Ю.С. Степанов отмечает, что слово *черт* родственно *чур*, употреблявшемуся в оборонительных восклицаниях. «Чур было, вероятно, именем какого-то «малого божества», возможно, божества ограды, ограждения» [Степанов 2001: 863]. Автор отмечает в этих словах один и тот же общеславянский корень со значением «отрезать». Таким образом, *черт* – это как бы «отрезанный», исчадие области, находящейся за чертой, за пределами нашего мира» [Там же: 865].

Из стили церковной письменной культуры в фольклор пришло слово *бес*. Есть мнение, что *бес* обозначает буквально «без...», а дальше могло следовать любое положительное понятие, например, «без...со-вести, Бога, понятия, добра, справедливости, чести и т.д.» [Мифы древних славян 1993: 6]. Другая же точка зрения на этимологию этого слова утверждает: «бѣсъ – того же корня, что литов. *bai-s-ùs* «страшный» [Степанов 2001: 865].

Среди бесов и чертей существует иерархия: есть младшие бесы, черти, их детеныши (чертенята, бесенята), более старшие по чину, и, наконец, старший над всеми – сатана. В священном Писании это слово обозначает дьявола, стоящего над всеми злыми духами, Божьего врага и губителя человеческих душ. Однако в сказке употребляется не как Божий противник и губитель Человека, а как старший над чертями – антагонистами главного героя: *«На другую ночь отрядил сатана во дворец инога черта; вишь, они ходили страцать да мучить царевну по очереди»* (№ 153, с. 343).

Таким образом, слова *бес* и *черт* объединяют в себе два плана содержания: сакральный (библейское, церковное понимание), магический («злой дух» как воплощение зависти хитрости, лукавства), так, в сказке герой читает молитву, рассчитывая на Божью помощь (например, «Солдат отчитывает царевну»); и бытовой (народное понимание), преобладающий в сказке, связанный с представлениями славянской народной демонологии и разговорным использованием этих слов.

Знает русская народная сказка Спасителя и христианских святых (Николая Угодника, Апостола Петра и др.), но представление о них тоже весьма специфично. К ним обращаются с просьбами о помощи и защите так, как раньше обращались к языческим богам и духам природы: *«Молись-ка Спасу, вытей квасу да спать ложись»* (№ 190, с. 41). *«Как только ударит двенадцать часов, ты не мешкая полезай на хору; там стоит большой образ Петра-апостола, стань позади его – ничего не бойся»* (№ 364, с. 129). Молиться – «Обращаться с мольбой, просьбой, благодарностью к богу, святым; произносить слова молитвы» [МАС 1982: т. 2, 290]. Образ 2 – «Живописное изображение бога или святого (святых), являющееся предметом религиозного поклонения» [Там же: 658].

Полагаем, следует обратить внимание на замечание историков и философов (Н.А. Бердяева, А.Д. Сухова и др.), которые отмечали, что в древнерусском обществе исключительно широко было распространено чисто внешнее благочестие, при котором в центре оказывал-

ся религиозный ритуал – иконопочитание, пост, литургия; молитвам и псалмам придавалось магическое значение, но христианские каноны поведения отходили на второй план, и в концепте ВЕРА в сказке актуализируется компонент «сверхъестественное».

Таким образом, русская сказка впитала в себя эти особенности, отразив двоеверие и оставшись в основе своей, как нам представляется, все же языческой. Подтверждение этому – незначительное число лексем с религиозной, христианской семантикой, встретившихся в сказке.

Литература

Даль В.И. Пословицы русского народа: сборник: в 2 т. Т. 1. М.: Худож. лит., 1984.

Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка: в 4 т. Т. 1. М.: Гос. изд-во ин. и нац. словарей, 1981.

Лихачев Д.С. Концептосфера русского языка // Известия РАН. Серия: современный литературный язык. 1993. Т. 52. № 11. С. 4-9.

Лотман Ю.М. Несколько мыслей о типологии культур // Языки культуры и проблемы переводимости. М.: Наука, 1987. С. 3-11

МАС – Словарь русского языка: в 4 т. / под ред. А.П. Евгеньевой. М.: Русс. яз., 1981-1985.

Мифологический словарь / под ред. Е.М. Мелетинского. М.: Советская энциклопедия, 1991.

Мифы древних славян. Велесова книга / сост. А.И. Баженова, В.И. Вардугин. Саратов: Надежда, 1993.

Народные русские сказки А.Н. Афанасьева: в 3 т. М.: Государственное Издательство Художественной литературы, 1957.

Полный церковно-славянский словарь / сост. Г. Дьяченко. М.: Издательский отдел московского патриархата, 1993.

Степанов Ю.С. Константы: Словарь русской культуры. М.: Академический Проект, 2001.

ТСРЯ XXI в. – Толковый словарь русского языка начала XXI века. Актуальная лексика / под ред. Г.Н. Складневской. М.: Эксмо, 2007.

N.Y. Mospanova (Bryansk, Russia)

SEMANTIC VALUE OF SOME LEXEMES REPRESENTING THE CONCEPT *BELIEF* IN THE RUSSIAN NATIONAL TALE

The article is devoted to studying of lexical representation of a concept *BELIEF* in the Russian national fairy tale. The Christian lexis, realization of its nuclear and peripheral semes, its sacral usage is presented in texts of fairy tales.

Key words: Christianity, God, sin, belief, concept, semantic signs, means of representation, Russian national tale.

A.B. Недосекина (Воронеж, Россия)

ПАРАЛЛЕЛИ В ВОСПРИЯТИЯХ «ЗВУКОВОЙ КАРТИНЫ МИРА», РЕПРЕЗЕНТИРОВАННЫХ ЯЗЫКОВЫМИ СРЕДСТВАМИ

Статья посвящена проблеме репрезентации чувственных восприятий звуковых эффектов посредством языковых сравнений. Производится анализ примеров на русском и английском языках, где образные сравнительные обороты выступают как варианты конкретных звуковых переживаний человека.

Ключевые слова: восприятие, звук, сравнительные обороты, параллели.

DOI: 10.20916/2071-9639-2016-25-657-663

Термин «восприятие» определяется как обобщение сенсорного или чувственного опыта человека в виде отражения им окружающей действительности [The Blackwell 1994: 35]. Этот термин в равной мере относится к процессам интеграции и синтеза полученных чувственных данных, к способностям выделять в действительности признаки и качества разных объектов и процессов, так и формировать их целостный образ [Кубрякова 1996: 17].

Из известных каналов получения сенсорной информации важную роль играет слух. Когнитивной науке известны многочисленные исследования, посвященные восприятию «звуковой картины мира».

Опыт человеческого сознания позволяет распознавать звуки, производимые разными предметами окружающей нас действительности (в широком смысле понимание слова «предмет»).

Однако для лингвиста важным представляется вопрос, каким образом звуковая палитра мира может передаваться с помощью языковых средств. Действительно, большой интерес вызывает проблема, как наиболее точно вербализовать мир звуков.

Известен «протокольный» способ описания звуков, услышанных человеком. Всем знакомы словарные определения (в нашем случае – по толковому словарю русского языка С.И. Ожегова и Н.Ю. Шведовой) таких лексем, как *шелест* – «звук, производимый слабым трением, касанием», *грохот* – «сильный шум с раскатами», *стук* – «звук, шум от удара, от падения твердого предмета», *крик* – «громкий, сильный и резкий звук голоса», *шёпот* – «тихая речь, при которой звуки произносятся без голоса», *визг* – «высокий и резкий крик», *бренчание* (*от бренчать*) – «тихо позванивать, звякать» и многих других проявлений колебаний упругого тела, распространяющиеся в твердых телах, жидкостях или газообразной среде. Но эти общие дефиниции не могут в полной мере раскрыть звучащий мир, преобразованный в материю слов.

На наш взгляд, один из способов приблизиться к воплощению тончайших нюансов «звуковой картины мира» в «языковую» – это прибегнуть к образным сравнениям, вводимых союзами *как, как бы, как если бы, словно, подобно, точно* и рядом других. Преимущество такого приема видится в его способности активизировать воображение, позволяющее дополнить «звуковую картинку» тем, что невозможно передать лексически.

На конкретных примерах, почерпнутых из произведений художественной литературы, рассмотрим действие этого приема более подробно. В интересующем нас плане источниками «звуковой палитры» будут явления природы. В зависимости от качества звука, который необходимо «транслировать», следует ожидать и выбор «звукопроизводящего» объекта, номинация которого займет свое место в сравнительном обороте.

Гром

Гром – «сильный грохот, раскаты, сопровождающие молнию во время грозы». В подобранных нами иллюстрациях образных сравнительных оборотов раскаты грома описываются следующим образом:

1. *Грянул трескучий удар (молнии), как от массы брошенных с кровли железных полос* (Лесков Н. Соборяне);
2. *Небо уже не гремело, не грохотало, а издавало сухие, трескучие, словно похожие на треск сухого дерева звуки* (Чехов А.П. Степь);

3. В подземелье было темно и тихо, но сверху слышно было, как перекатывался гулкий грохот грозы, **точно кто ездил там в громадной телеге по мостовой** (Короленко В.Г. Дети подземелья).

В данных сравнительных оборотах звуковые эффекты, присущие природе, уподобляются знакомым человеку звучаниям – треску сухого дерева, звуку проезжающей телеги или звяканью железа.

Звуки дождя

Дождь – «атмосферные осадки в виде водяных капель, струй».

1. *Шел дождь, и капли дождя сильно бились о водосточную трубу, падая через раз. Дождь то отступал в листву, выжидая паузу, то вновь приближался широким фронтом, словно барабанная дробь звучала, возвещая о прибытии похоронной команды* (Іванів В. Чумной Покемарь);

2. *Перезвон капель был похож на переливчатую, звонкую мелодию. Словно где-то звучало, заполняя своей музыкой сонное, замершее пространство, старое пианино* (Бобровенко Е. Музыка дождя);

3. *Дождь стучит по крышам, словно кто-то бьет по ним жестяными каблуками* (Ахметова Г. Языковые традиции и языковые процессы в духовном пространстве русской прозы).

В первых двух примерах дождь сравнивается со звуками, производимыми музыкальными инструментами, различаясь между собой по высоте и мелодичности звучания. В примере 3 он же сопоставляется со звонкими и резкими стуками каблуков.

Ветер

Ветер – «движение, поток воздуха в горизонтальном направлении».

1. *Довершал картину вой ветра, даже не вой, а трубный звук, словно звучание громадного органа, который скорее ощущаешь, чем слышишь* (Бабарькин Е. Новая работа);

2. *Ветер выл, словно голодный волк воет зимней ночью* (Яновская О. Милость богов);

3. *Тоскливо и мерно дребезжит в окна дождь; с улицы долетает какой-то странный, смешанный звук ветра, как будто тихое жужжание несносного комара...* (Салтыков-Щедрин М.Е. Два отрывка из «Книги об умирающих»).

Здесь ветер уподобляется громкой органной музыке. Часто завывание ветра схоже с воем дикого животного – волка. В примере 3 приглушенное, едва различимое посвистывание ветра приравнивается к звуку жужжащего комара.

Хруст ледохода, снега, мороза

Хруст – «треск при разламывании чего-нибудь хрупкого; негромкий трещащий звук».

1. *Тёмный лес стоял стеной и, казалось, прислушивался, как трещат от мороза деревья. Словно щёлканье бича, звуки эти звонко разносились в застывшем утреннем воздухе* (Арсеньев В.К. Дерсу Узала);

2. *Серая корка льда ожила, горбилась, на ровной поверхности вспухали острые углы, в воздухе растекался странный хруст – точно кто-то тяжелою ногой шел по битому стеклу* (Горький А.М. Ледоход);

3. *Морозно, морозно, Симеонович, слышь, как хрустит снег под ногой, словно сухарей насыпано по дороге, а по погосту-то как будто блесточек золотых усеяно...* (Коншин Н. Граф Обоянский, или Смоленск в 1812 году).

В первом примере потрескивание деревьев на морозе напоминает хлесткие удары кнута. В двух других треск льда и скрип снега отождествляется с тем, как хрустят хрупкие, сыпучие вещества под ногами человека.

Цоканье копыт

Цоканье (от *цокать*) – «издавать отрывистые резкие звуки».

1. *С улицы донеслось цоканье копыт извозчичьей лошади, нарочито громкое и отчетливое, как будто бы считали на счетах* (Ильф И.А., Петров Е.П. Двенадцать стульев);

2. *Издали доносилось какое-то громыханье, дробное и ровное, как будто пересыпали горох из мешка в мешок – не спеша возвращалась конница* (Тынянов Ю. Кюхля);

3. *Белосельцев услышал цокающий звук, словно на пол с подоконника прыгнула мягкая кошка* (Проханов А. Господин Гексоген).

Здесь цоканье лошадиных копыт похоже на стук счёт или на звук пересыпающихся бобовых.

Далее рассмотрим параллели звуковых восприятий, репрезентируемые сравнительными оборотами на английском языке.

Thunder

1. *The rain beat on the roof with a steady roar and thunder cracked like a giant whip* (Rigsbee Linda L. A Tutelarius Love);

2. *The thunder was so loud it sounded like a branch fell off a tree* (Carroll J. It Happened on Negro Mountain);

3. *The thunder was ominous sounding, much like the sound of a thin sheet of metal being shaken backstage during the storm scene in a play* (Rose S. Accidental Heroine: Diary of an Attention Seeker).

В английских примерах раскаты грома сравниваются с резким ударом хлыста или с хрустом ветки, или, как в последнем примере, со звучанием металлического предмета.

Rain

1. *The rain was strong now, like the sound of gravel falling on the old slate roof* (Quindlen A. Blessings);

2. *The rain sounded like the pounding footfalls of a distant army on the march* (Balcom J. Wintry Night);

3. *The rain sounded like bongo drums, pounding faster and louder* (Cvitkovich Martin J. Split-The Early Years);

4. *The rain sounded like the hiss of a blank tape turned up to thundering volume* (Hirsch R. The Insider).

Шум дождя раскрывается через сравнительные обороты, заключающие в себе описание звуков брошенной на шифер гальки, маршировочные шаги армии солдат, бой барабана, или даже громкое шипение, производимое чистой аудиокассетой.

Wind

1. *The sound of the howling wind was the scariest thing I had ever heard; it was like a speeding train rapidly approaching* (Mason R. An Army of Stories: Tales of a Cold War Veteran);

2. *The sound of the wind was like the deep roar of the ocean breaking on an open beach, heavy and rolling...* (Brooks T. The Annotated Sword of Shannara: 35th Anniversary Edition);

3. *Wind howling still, like the ongoing, mournful cry of a wolf, baying at the full moon* (Romano A. Wind Howling).

В примере 1 знак равенства ставится между звуком ветра и быстро несущимся поездом. Во втором ветер уподобляется гулу морского прибойя, а в последнем примере одинокому протяжному вою волка.

The sound of ice, snow, frost

1. *The ice and reef colliding and tearing each other apart sounded like thunder crackling and breaking for a hundred miles as the gigantic iceberg moved over the reef. It was like a battlefield, with everyone firing at the same time in the middle of the thunderstorm. It sounded like being at a rock concert and standing next to the biggest speakers you have ever seen, and it seemed to go right through you* (Norrbon Enock L. The Storm from Hell);

2. *This time the sound of snow under my foot was like well toasted crispy bread under my teeth ... pleasant sound* (Danesh A. Stars Light: Eighth Volume: Lights of the Dead);

3. *Slabs of ice which were driven with such force against each other, that the noise of their striking together, all around us, was like the sound of a hundred drums beating...* (Clarke Edward-Daniel Travels in various countries of Europe, Asia and Africa).

Эффект ломающегося льда или скрип снега под ногами в английских примерах ставится в параллель с грохотанием грома, хрустом поджаренных тостов или с барабанной дробью.

The sound of hoofbeats

1. *At that moment, the sound of a horse's hooves, echoing like slow castanets, clattering across the cobblestones* (Winspear J. An Incomplete Revenge);

2. *I was nearly to the woods when the sound of hoofbeats carried like quiet thunder through the night* (Pennington W. Darkness Embraced: A Rosso Lussuria Vampire Novel);

3. *The street was alive with them, hollow-eyed and faceless astride coal-black horses, their muffled hoofbeats sounding like rapid shots miles away* (Estleman Loren D. Murdock's Law: A Page Murdock Novel).

В английских примерах цоканье копыт сравнивается с отдаленными раскатами грома или с выстрелами из оружия, но любопытно его сравнение с музыкальным звучанием кастаньет, которое выявляет специфику восприятия звука иностранцем знакомым с культурой далекой от русской.

Авторам процитированных нами высказываний явно не хватает информации, содержащейся в семантике вербальных единиц «звукопроизводящей» сферы словаря. Их характеристики выступают как **инварианты** звучания, а представленные писателями **варианты** оказываются приближенными к «сиюминутной правде жизни», к специфике тех конкретных звуковых переживаний, которые они хотели бы донести до своих читателей или слушателей. Таким образом, в основе приведенных нами сравнительных оборотов на двух языках, содержатся параллели звучаний тех или иных предметов со звуками, которые порождаются хорошо знакомыми человеку материальными субстанциями. Эти параллели – продукт звуковой памяти, которой обладает человек. Образные сравнения конкретизируют «звуковую картинку», делают ее более выразительной, но главное – позволяют

передать то впечатление от производства звука, которое остается «за кадром» в их бесстрастном «протокольном» описании.

Литература

Кубрякова Е.С. Краткий словарь когнитивных терминов / Е.С. Кубрякова, В.З. Демьянков, Ю.Г. Панкрац, Л.Г. Лузина. М.: Изд-во МГУ, 1996.

Ожегов С.И., Шведова Н.Ю. Толковый словарь русского языка. 3-е изд. М.: Аз, 1996.

The Blackwell Dictionary of Cognitive Psychology / ed. by M. Eysenck. Cambridge, Massachusetts: The Blackwell Publishing, 1994.

A.V. Nedosekina (Voronezh, Russia)

PARALLELS IN THE PERCEPTION OF “THE SOUND PICTURE OF THE WORLD” REPRESENTED BY LANGUAGE MEANS

The article is devoted to the problem of representation of sound perception via comparative constructions. The analysis of Russian and English examples of figurative comparative constructions shows that they act as the variants of a particular sound effect, which a person can experience.

Key words: perception, sound, comparative constructions, parallels.

Е.В. Никулина (Курск, Россия)

СХОДСТВА И РАЗЛИЧИЯ МОТИВОВ НОМИНАЦИИ АНГЛИЙСКИХ И РУССКИХ ОРНИТОНИМОВ

В данной статье рассмотрен ряд английских и русских орнитонимов с позиции общности происхождения их мотива номинации. С помощью этимологического анализа устанавливаются общие корни в основе наименований птиц двух неродственных языков, а также анализируется звукоподражательный мотив номинации как наиболее характерный для данной группы зоонимов.

Ключевые слова: орнитоним, звукоподражание, мотив номинации, общая основа.

DOI: 10.20916/2071-9639-2016-25-663-670

Одним из актуальных вопросов современной лингвистики является изучение особенностей функционирования такого пласта лексики, как орнитонимы. В этой связи представляет интерес не только их сравнение в синхронии, но и в диахронии, так как этимологический анализ может быть полезен для более глубокого осознания изменения значений лексем и эволюции репрезентируемых ими концептов [Кузнецов 2007; Бороздина, Петухова, Бороздина 2014]. Материалом исследования послужили 200 орнитонимов, из которых 100 – орнитонимы английского языка, 100 – орнитонимы русского языка, отобранные методом сплошной выборки из «Тезауруса Роже» (данное количество выбрано с целью упрощенного процентного подсчета при статистическом анализе). В результате проведенного этимологического исследования были выявлены черты сходства и различия английских и русских наименований птиц. Данные об этимологии орнитонимов получены из «Русского этимологического словаря» А.Е. Аникина, «Этимологического словаря русского языка» Г.А. Крылова, «Историко-этимологического словаря» М.М. Маковского, «Etymological Dictionary of Latin and other Italic Languages» Vaan de Michel, «The Concise Dictionary of English Etymology» W. Skeat и др.

Основным критерием сходства орнитонимов послужили общие основы. Прежде всего, нужно отметить, что 6 % исследованных лексем обеих языковых систем восходят к одному корню. В основном общими для английских и русских орнитонимов являются праиндоевропейские и латинские основы; встречаются, однако, и греческие.

Что касается общих праиндоевропейских основ, то они составляют подавляющее большинство (68 %) среди исследованных нами зоонимов, имеющих общие корни. Так, лексемы *журавль* и *crane* восходят к праиндоевропейскому корню **gere-*, который, в свою очередь, является подражанием крику журавля. Русское слово *журавль* является родственным литовскому *gėrvė*, древневерхненемецкому *kranuh*, произошедшему от праиндоевропейского корня **gere-*. Английское *crane* (*журавль*) происходит от праиндоевропейского корня **gere-*, звукоподражание крику птицы (from PIE **gere*, echoic of its cry) [Vaan de Michel 2008: 93]. Примарным мотивом номинации как в английском, так и в русском языках явилось хриплое подражание крику птицы (один и тот же звуковой источник), т.е. можно вести речь об отприродной связи между звуком и значением. Очевидно, что в современной синхронии наблюдается демотивация языкового знака, так как на пер-

вый план выходит ассоциация не по звуковому, а по морфологическому (внешнему) признаку [Петухова 2014].

Рассмотрим некоторые лексемы, восходящие к общему латинскому корню. К примеру, зоонимы *albatross* и *альбатрос* берут начало из латинского корня *albus*, означающего «белый» [Аникин 2007: 32].

Важно отметить, что хотя латинские и праиндоевропейские основы составляют большинство из рассмотренных нами зоонимов, имеющих общую основу, 5 % лексем восходят к общей греческой основе. Вот некоторые из них:

ostrich (*страус*) – from Greek *strouthion* «ostrich», from *strouthos me-gale* «big sparrow» (большой воробей) [Klein 1967: 245]. По данным «Русского этимологического словаря» А.Е. Аникина русское слово *страус* приходит в язык через верхненемецкое *Strauss*, произошедшее от греческого *strouthion* («воробей-верблюд», из-за длинной шеи) [Аникин 2007: 354]. Таким образом, и английская, и русская лексемы – греческого происхождения, а в их основе лежит один корень, имеющий значение «большой воробей».

Нельзя не отметить, что как среди английских, так и среди русских орнитонимов часто встречаются лексические единицы, в основе которых находятся *звукоподражания*. Следует сказать, что звукоподражания являются частым мотивом номинации именно птиц, так как эти животные отличаются своими характерными звуками [Ильичев 1972: 147]. Приведем некоторые примеры подобной звукоизобразительной мотивации: русская лексема *гагара* является производной от звукоподражания *га-га*, которое родственно *гагать* «гоготать» (о гусях), латышскому *gāgāt*, верхненемецкому *gāgen* [Черных 1999: 89]. В свою очередь, английское *auk* (*гагара*) – from Old Norse *alka*, originally imitative of a water-bird (происходит от староскандинавского *alka*, первоначально подражание водной птице) [Klein 1967: 29].

Русское *цыпленок* происходит от подзывания. В качестве параллелей можно привести польскую единицу *cip, cip!* – подзывание кур, латышскую *tib!* и *cib!*, также *ciba* «курица» [Старостин 2007: 782]. Английская лексема *chicken* (*цыпленок*) происходит от прагерманского **kiukinam* из корня **keuk-* (подражание звуку птицы) (from Proto-Germanic **kiukinam*, from root **keuk-* (echoic of the bird's sound)) [Vaan de Michel 2008: 46].

Русское *грач* восходит к лексеме *гракъ* (*кј > ч*), образованной с помощью суффикса *-к-* (ср. *крик*, *звук*, диалектное *зык* и т.д.) от звукоподражания *гра*, ср. того же корня диалектное *грать* «каркать» [Цы-

ганенко 1989: 398]. Английское *rook* (*грач*) происходит от прагерманского **khrokaz*, звукоподражание его силлому голосу) (from Proto-Germanic **khrokaz*, imitative of its raucous voice) [Skeat 2007: 284].

Лексему *перепел* рассматривают отчасти как подражание крику птицы, отчасти – как передачу шума при ее взлете. В английском языке *quail* (*перепел*) имеет германский корень, в основе которого звукоподражание крику птицы (from a Germanic source, imitative of the bird's cry) [Vaan de Michel 2008: 267].

Аналогичная ситуация связывается и с лексической единицей *сова*, которая родственна бретонскому *kaouen*, литовскому *šaukiù* «кричать», произошедшим от праиндоевропейского **u(wa)l-* [Черных 1999: 197]. Английское *owl* (*сова*) происходит от прагерманского **uwwalon-*, звукоподражание ее громкому крику (from Proto-Germanic **uwwalon-*, which is imitative of a wail or an owl's hoot) [Skeat 2007: 346].

Как видно из приведенных выше примеров, звуковой комплекс орнитонимов, положенный в основу номинации, не полностью совпадает в фонемном выражении. Однако проведенный этимологический анализ показывает, что среди английских и русских зоонимов имеются звукоподражания, которые произведены от одной основы. Например, русское *удод* и английское *hoopoe* восходят к праиндоевропейскому **hupp, hupp*, с помощью которого передается голос удода [Skeat 2007: 76].

Можно также отметить тот факт, что орнитоним английского языка *heron* (*цапля*) происходит от звукоподражательного праиндоевропейского корня **qriq-*, от которого произошел и русский глагол *кричать* [Partridge 2009: 126].

Однако можно увидеть случаи, когда звукоподражательный мотив номинации орнитонимов в обоих языках совпадает, хотя сами слова произошли от разных основ. Например, английское *bittern* (*выпь*) восходит к латинскому слову *taurus* (*бык*) (from Gallo-Roman **butitaurus*, from Latin *butionem* + *taurus*) [Vaan de Michel 2008: 678]. Выпь была названа так в английском языке из-за своего крика, имеющего сходство с ревом быка. Что касается русского языка, то в нем слово *выпь* является однокоренным с такими словами, как *вопить*, *воплъ*, и является родственным латышскому слову *īpis* «филин» и литовскому *ūpas* «эхо». Таким образом, лексема *выпь* как в английском, так и в русском языке получила свое наименование благодаря характерному крику птицы, но для носителей одного языка ее крик похож на рев быка, а для носителей другого – на эхо.

В целом, если говорить о звукоподражательном мотиве номинации орнитонимов в английском и русском языках, то можно отметить, что в английском языке ономотопы являются более частым явлением. Для английских зоонимов звукоподражания составили 15 % рассмотренных лексем, а для русского языка – 8 %.

Далее рассмотрим английские и русские орнитонимы с позиции сходства и различия «незвуковых» мотивов их номинации. Так, например, лексемы *hawk* и *ястреб* также имеют нетождественные мотивы номинации. Русское слово *ястреб* восходит к праславянской основе **jastreb-*, означающей «крапчатый, пестрый» (цвет), а английское *hawk* – к праиндоевропейскому звукосемантическому корню **kap-* «хватать» (движение) [Цыганенко 1989: 411]. В первом случае мотивом номинации послужила окраска птицы, во втором – манера расправы с жертвой.

Похожий случай можно наблюдать и в номинации лексем *соловей* и *nightingale*. Русская лексема *соловей* является производной от старославянского слова **solъvъ* «желтовато-серый» (цвет) [Маковский 2000: 452], в то время как английская единица *nightingale* происходит от старонемецких основ **nakht-* «ночь» и **gallon-* «петь», так как соловей поет по ночам (поведенческие повадки) [Klein 1967: 267].

Английский зооним *kestrel* (*пустельга*) восходит к латинскому глаголу *crepitare*, означающему «грохотать, звенеть». Птица была названа так за свою привычку создавать грохочущие звуки, отпугивая тем самым коршунов [Эккерт 1991: 231]. Русский же зооним *пустельга* получил свое наименование по месту обитания птицы, так как происходит от слова *пустой* (*пустельга* живет в пустынной местности) [Маковский 2000: 321].

Интересным случаем также является сходство мотивов номинации английского зоонима *buzzard* и русского *канюк*. Дело в том, что в русском языке этимология лексемы *канюк* (В. Даль называет птицу *канюга*) восходит к глаголу *канючить*, то есть жалобно просить, принимая просьбами, клянчить и является праславянской. В английском же языке (и в целом, в германских языках) лексема *buzzard* происходит от старонемецкого *Bus-aro*, что в переводе означает «мяукающий орел» [Partridge 2009: 36]. С другой стороны, по мнениям некоторых ученых, русская единица *канюк* связана со старославянским глаголом *канути*, что означает *падать*. В этом случае птица получила свое название по своему характерному поведению нападения на жертву во время охоты [Крылов 2005: 467].

В случае с зоонимами *галка/daw*, единица *daw* образована от звукоподражания, в то время как лексема *галка* восходит к праславянской основе **galъ* «чёрный» [Крылов 2005: 358].

Подобное явление можно наблюдать и в паре *shrike/сорокопут*, где *shrike* – звукоподражание, а *сорокопут* – образование от праславянских основ, буквально означающее «преследующий сороку» [Трубачев 2004: 213].

Ещё одним примером разной природы номинации является этимология лексических единиц *яу* и *сойка*. Лексема *яу* образована от звукоподражательной основы, в то время как *сойка* происходит от церковнославянского глагола *сиять*. Сойка получила такое название благодаря своему пестрому оперению.

В паре *kite/коршун* первый зооним является звукоподражательным, второй же образован от праиндоевропейского глагола *kár̥sati*, что означает «тащит, волочет» – по манере расправы с жертвой [Маковский 2000: 278].

Таким образом, мы видим, что мотивы номинации английских и русских орнитонимов в пределах одной лексической единицы в рамках двух языковых систем могут быть как тождественны, так и различны. Интересно отметить, что довольно часто встречаются случаи, когда мотивами номинации одного и того же орнитонима в разных языках служат разные признаки, что, возможно, отражает разные языковые картины мира носителей русского и английского языков. Однако, несмотря на качественные различия природы номинации, количественные соотношения (если не рассматривать звукоизобразительность) в итоге компенсируют друг друга и оказываются относительно сходными в процентном выражении.

Литература

Аникин А.Е. Русский этимологический словарь / Ин-т русского языка им. В.В. Виноградова РАН, Ин-т филологии Сибирского отделения РАН. М.: Рукописные памятники Древней Руси, 2007.

Бороздина И.С., Петухова Е.В., Бороздина Н.А. Английские и русские пространственные предлоги в диахронии // Теория языка и межкультурная коммуникация. 2014. № 1 (15). URL: <http://tl-ic.kursksu.ru/pdf/015-003>.

Ильичев В.Д. Биоакустика птиц. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1972.

Крылов Г.А. Этимологический словарь русского языка. СПб.: ООО «Полиграфуслуги», 2005.

Кузнецов В.Г. Предмет и задачи диахронической сопоставительной концептологии (на примере морально-ценностных концептов) // Вопросы когнитивной лингвистики. 2007. № 2. С. 26-34.

Маковский М.М. Историко-этимологический словарь современного английского языка. М.: Диалог, 2000.

Петухова Е.В. К вопросу об этимологическом звуко-символизме английских и русских орнитонимов // Universum: Филология и искусствоведение: электронный научный журнал. 2014. № 2 (4). URL: <http://7universum.com/pdf/philology/archive/item/1011>.

Старостин Н.А. Труды по языкознанию. М.: Языки славянских культур, 2007.

Трубачев О.Н. Труды по этимологии. Слово. История. Культура. Т. 1. М.: Языки славянской культуры, 2004.

Цыганенко Г.П. Этимологический словарь русского языка: Более 5000 слов / под ред. Н.Н. Голубкова. 2-е изд., перераб. и доп. Киев: Изд-во «Радянська школа», 1989.

Черных П.Я. Современный историко-этимологический словарь современного русского языка. 3-е изд., стереотип. Т. I. М.: Русский язык, 1999.

Эккерт Р. Физиология животных. М.: Мир, 1991.

Klein E.A comprehensive etymological dictionary of the English language. I-II. Amsterdam: Elsevier Publishing Company, 1967.

Partridge E. Origins: An etymological dictionary of Modern English. New York: Routledge, 2009.

Roget P. M. Thesaurus of English words and phrases. М., 1999.

Skeat W. The Concise Dictionary of English Etymology. Hartfordshire: Wordsworth Edition Limited, 2007.

Vaan de Michel. Etymological Dictionary of Latin and other Italic Languages. Leiden: Boston: Brill Academic Publishers, 2008.

E.V. Nikulina (Kursk, Russia)

THE SIMILARITIES AND DIFFERENCES IN THE MOTIVES OF NOMINATION OF ENGLISH AND RUSSIAN NAMES OF BIRDS

The article deals with the study of English and Russian names of birds from the position of the common character of their nomination. With the help of the etymological analysis we determine the common roots in the stem of bird names in two

non-cognate languages, and at the same time we analyze the imitative motive of nomination as a more typical one for this group of animal names.

Key words: bird name, onomatopoeia, motive of nomination, common stem.

О.Н. Новикова (Уфа, Россия)

СТЕРЕОТИПЫ ИМЕНИ СОБСТВЕННОГО-АНТРОПОНИМА В ЭКОНОМИЧЕСКОМ АСПЕКТЕ

В статье рассматривается вопрос о роли этнических и гендерных стереотипов собственного имени человека в ситуации устройства на работу. Делается вывод о возможном изменении когнитивных оснований антропонима под воздействием экономических факторов.

Ключевые слова: культура, экономика, имя собственное, антропоним, восприятие и оценка имени, стереотип.

DOI: 10.20916/2071-9639-2016-25-670-675

Когнитивной основой антропонима – собственного имени (СИ) человека – выступает система культурообусловленных ценностей, усваиваемая в процессе социализации личности. Массовое мышление создает стереотипы имен, которые связывают единицы всех уровней языка между собой и со сферой внеязыкового опыта, внутренне организуя антропонимическую систему личности, являясь формой ментального бытия антропонимов. Стереотипы в сфере СИ являются разновидностью социальных и этнокультурных стереотипов; их порождение связано с интерпретацией факта (Calev A.; Christopher A.; Erwin P.; Figlio D.N.; Fryer R.; Harari H.; Kennedy A.; Levitt S.; McDavid J.; Thisen D.; Young R. и др.), что «позволяет рассматривать стереотипизацию как вид к а т е г о р и з а ц и и» [Васильева 2010: 453], однако влияние стереотипа может усиливаться или ослабляться другими переменными [Joubert 1993].

В отсутствие дополнительных средств идентификации первые впечатления о человеке складываются на основе его именованя. Приписывание оценок себе и другим – сознательное или бессознательное – очень важно, поскольку эти оценки определяют готовность или неготовность к общению и обуславливают его характер. В последние

годы стереотипы имен оказались в фокусе интересов экономистов и социологов, обративших внимание на роль стереотипа в ситуации принятия решения, имеющего экономические последствия для носителя имени. Целью настоящей статьи является анализ означенной проблемы на материале научных публикаций по вопросам восприятия, оценки и интерпретации имени человека, их влияния на принятие решений в области трудовых отношений.

При рассмотрении роли имени в процессе принятия решения работодателем обычно ссылаются на исследование М. Бертран и Н. Муллаинатана (США), которые утверждают наличие расовой дискриминации уже на основе имени. Разослав 5000 резюме с генерированными ими «типично белыми» и «типично черными» именами, ученые выявили предпочтение работодателями разных уровней «белых» имен, даже если указывалось, что их носители не обладают достаточной квалификацией. На 50 % больше соискателей, носящих имена, характерные для белых, получают приглашение на интервью по сравнению с «типично» афроамериканским именем [Bertrand, Mullainathan 2005]. По мнению авторов, именно расовая принадлежность, манифестируемая СИ, является главным фактором, определяющим решение работодателя. Исследование американских экономистов повлекло за собой множество экспериментов психологов, социологов, маркетологов разных стран по изучению связи имени человека с его карьерой, многие из которых подтверждают ее (M. Arai, P.S. Thoursie; C. Biavaschi; L. Casler; W.E. Lopes; S. Macé, Fr. Boileau; C.J. Sadowski; F.N. Willis и др.): «Чуждое для данной культуры имя может быть причиной меньшей успешности на рынке труда его носителя... Этот эффект носит название статистической дискриминации и протестирован во множестве эмпирических исследований. <...> Суть эффекта дискриминации проста и рациональна: работодатель, ожидая *худшую производительность* кандидата с чуждым для данной культуры именем, в условиях дефицита времени даже не открывает его/ее резюме. <...> Таким образом, имя в данной модели выступает сигналом национальной, этнической, расовой принадлежности и ассоциируется с производительностью труда индивида, которая не наблюдаема» [Борисова, Кулькова 2016: 97].

Авторы вышепротестированной – пионерской для нашей страны по данному вопросу – работы подчеркивают связь изучения роли имени с учетом факторов, могущих повлиять на экономические и неэкономические успехи индивида – неблагоприятные условия при рождении, неблагополучный район проживания. На учет последнего фактора

работодателями указано и в эксперименте М. Бертран и Н. Муллаинатана – «zip-code effect» [Op. cit.]. В ряде исследований обосновывается небольшая статистическая значимость имен и фамилий в ситуации принятия решения (Fryer R.G., Levitt S.D.; Guéguen N., Pascual A. и др.).

Возвращаясь к материалам по США, выразим согласие с теми исследователями, кто выражает уверенность в возможности примирения позиций, поскольку затрагиваемый вопрос многосторонен. Прежде всего, модель выбора имени негритянским населением страны (а речь идет именно о нем) менялась на протяжении XX в. от преобладания англо-саксонских имен к обращению к именам исконным с 70-х гг. в связи с ростом борьбы чернокожих жителей за свои права [Fryer, Levitt 2004]. Пытаясь через анализ имен определить роль «Черной культуры» в экономическом положении чернокожего населения, авторы приходят к выводу о том, что «черное» имя, скорее, есть следствие, а не причина бедности и сегрегации [там же: 800].

Связь моделей имянаречения, культуры и экономики пытаются выявить французские ученые [Algan et al. 2013]. Изучая арабские имена во Франции, авторы исходят из того, что имя – это явный и главный маркер культурной идентичности. К традиционно выделяемым каналам передачи культурных ценностей (вертикальному – передача своей культуры и горизонтальному – влияние соседей и ровесников) они добавляют еще один – экономический, ставя вопрос о влиянии на выбор имени экономических последствий. Они утверждают, что без последних на 50 % больше новорожденных получало бы арабские имена. Авторы другого исследования также связывают успех индивида на рынке труда с его полным именованием [Guéguen, Pascual 2011]. Однако статистически значимым при этом оказался эффект привлекательности имени вне зависимости от его этнической окрашенности и была выявлена гендерная предпочтительность: на собеседование чаще вызывали мужчин. Так мы переходим к другому виду стереотипов – гендерным, чье существование обосновано психологами, социологами, лингвистами (K.J. Anderson; M. Biernot; K.A. Bunker; K.A. Clow; S.L. Cohen; D. Frauendorf; C.W. Hall; H.M. Trisko и др.).

Гендерно окрашенными оказываются стереотипы популярных имен, поэтому некоторые лингвисты объясняют всплеск нетрадиционных и полоиндифферентных имен языковым антисексизмом – стремлением преодолеть языковую и концептуальную предвзятость против

женщины [Пак 2005: 127]. Не случайно выявлена предрасположенность называть полоиндифферентными именами девочек [Liebersohn 2000].

Люди стремятся соответствовать гендерным ожиданиям из-за нормативного давления (человек вынужден подстраиваться под ожидания общества, чтобы оно его не отвергло) и информационного давления (при определении своей позиции по тому или иному вопросу человек в большей степени опирается не на собственный опыт, а на информацию, предоставляемую окружением). Идеальным является совпадение стереотипа имени и стереотипа рода занятий/вида деятельности. Но сегодня наблюдается сдвиг к «маскировке рода», особенно в женских именах. Атипичная фонологическая структура необычных имен может отражать бессознательное желание родителей помочь дочерям в преобладающем андроцентричном окружении. Однако А.В. Кирилина в настоящее время отмечает социально-обусловленную тенденцию к стиранию граней между женскими и мужскими гендерными стереотипами [Кирилина 1999: 145]. Вкупе с полоиндифферентной английской фамилией полоиндифферентные личные имена создают полоиндифферентную антропонимическую пару, не определяющую индивида ни по полу, ни по этнической принадлежности, что неизбежно ведет к идентификационным и коммуникативным затруднениям.

Гендерные и этнические стереотипы пересекаются в восприятии людей с черным цветом кожи как более маскулинных, нежели белые или азиаты. При устройстве на работу, требующую сотрудничества и выстраивания отношений, предпочтение отдается последним, т.к. желаемые качества ассоциируются с фемининностью. Чернокожие кандидаты отбираются на «жесткие», маскулинные должности. Взаимосвязь стереотипов имеет последствия для принятия решений и на работе, и в личной жизни [Galinsky 2013]. Одно из последних исследований по теме, однако, не выявляет предпочтительности выбора мужчин на «мужские» должности [Sullivan 2015].

Невозможна смена женского имени на мужское (или наоборот) ради получения рабочего места, но для достижения успеха возможно использование разных форм своего имени в разных социо-экономических ситуациях: уменьшительная форма личного имени оказывается более привлекательной [Bolin 2004; Bruning et al. 2000]; выявлено предпочтение личных имен, коннотирующих тепло и дружелюбие для работы, требующей внимательного, теплого отношения к людям [Copley, Brownlow 1995].

Различия в результатах исследований «веса» роли стереотипа СИ человека в ситуации принятия решения вызваны разными параметрами проведения эксперимента и различными источниками выборки (изучение резюме по архивам, опросы работодателей, анкетирование учащихся колледжей) и только высвечивают многогранность проблемы, не утверждая доминирование онима.

Тем не менее, имя, наделяя символическим капиталом, превращающимся в формы социальной поддержки и доверия, а опосредованно – в материальную выгоду – может приносить социальную и экономическую прибыль. Если понимать «национальный образ имени» как ценностно значимую совокупность представлений о положительно оцениваемом имени человека, исторически сложившуюся в рамках данной культуры как результат обобщения различных аспектов ценностных ориентаций, то размывание именника «чужими» онимами, рост сокращенных форм личного имени в качестве официального именованья, создание полоиндифферентных имен затрагивает сферу имяназачения и когнитивную основу имени в структуре личности в целом, а также сферу экономической толерантности и государственной политики (к примеру, законодательный запрет использовать полоиндифферентные имена в Германии, Италии).

Литература

Борисова Е.И., Кулькова А.Ю. Культура, имена и экономическое развитие // Вопросы экономики. 2016. № 1. С. 81-106.

Васильева Н.В. Антропонимические стереотипы в кросскультурном аспекте // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. 2010. № 4 (2). С. 453-456.

Кирилина А.В. Гендер: лингвистические аспекты. М., 1999.

Пак С.М. Ономастикон как объект филологического исследования (на материале американского дискурса XIX-XX вв.): дис. ... д-ра филол. наук. М., 2005.

Algan Y., Mayer Th., Thoenig M. The Economic Incentives of Cultural Transmission: Spatial Evidence from Naming Patterns across France. 2013. URL: http://www.econ.sciences-po.fr/sites/default/files/file/yann_algan/AMT.pdf

Bertrand M., Mullainathan S. Are Emily and Greg More Employable than Lakisha and Jamal? A Field Experiment on Labor Market Discrimination // NBER Working Papers, 9873. 2005. URL: <http://www.nber.org/>

Bolin A.H., Weeks N. The Effects of First Name Stereotypes on Ratings of Job Applicants: Is there a Difference between Bill and William? // *American Journal of Psychological Research*. 2004. Vol. 1. № 1. P. 11-20.

Copley J.E., Brownlow S. The interactive effects of facial maturity and name warmth on perceptions of job candidates // *Basic and Applied Social Psychology*. 1995. № 16 (1-2). P. 251-265.

Fryer R.G., Levitt S.D. The Causes and Consequences of Distinctively Black Names // *The Quarterly Journal of Economics*. 2004. Vol. CXIX. № 3. P. 767-805.

Galinsky A.D., Hall E.V., Cuddy A.J.C. Gendered Races. Implications for Interracial Marriage, Leadership Selection, and Athletic Participation // *Psychological Science*. 2013. URL: <http://www.pss.sagepub.com>

Guéguen N., Pascual A. Are People with Attractive Names More Employable? // *European Journal of Economics, Finance and Administrative Science*. 2011. Issue 38. URL: <http://www.eurojournals.com>

Joubert C.E. Personal Names as a Psychological Variable // *Psychological Reports*. 1993. Vol. 73. P. 1123-1145.

Liebertson S., Dumais S., Baumann Sh. The instability of androgynous names: The Symbolic Maintenance of Gender Boundaries // *The American Journal of Sociology*. 2000. № 105. P. 1249-1287.

Sullivan M.S. Who Will Make the Cut? Gender Bias and Contrast Effects in Hiring Behaviour. College of Saint Benedict and Saint John's University. Honors Theses. 2015. № 5. URL: <http://www.digitalcommons.csbsju.edu/>

O.N. Novikova (Ufa, Russia)

STEREOTYPES OF PROPER NAMES-ANTHROPONYMS IN THE ECONOMIC ASPECT

The article considers the issue of the role of proper names' ethnic and gender stereotypes in the situation of job search. The conclusion is done on the possible change of cognitive bases of anthroponyms under the influence of economic factors.

Key words: culture, economics, proper name, anthroponym, name perception and assessment, stereotype.

П.М. Омарова, Д.М. Алибекова (Махачкала, Россия)

КОНЦЕПТУАЛИЗАЦИЯ ОТРИЦАТЕЛЬНОЙ ОЦЕНКИ ЖЕНЩИНЫ В ПАРЕМИЯХ АНГЛИЙСКОГО И РУССКОГО ЯЗЫКОВ

В статье рассматривается аксиологическая интерпретация концепта ЖЕНЩИНА в пословично-поговорочных фондах английского и русского языков. Анализ паремий как носителей этнического мировоззрения позволил выявить общие и национально-специфические отрицательные характеристики женщины, которые репрезентируются в языке с помощью прямого отрицания – морфологических и лексических средств, а также вторичных средств номинации – метафоры и сравнения.

Ключевые слова: паремия, концептуализация, оценка, образ женщины, национальная специфика.

DOI: 10.20916/2071-9639-2016-25-676-682

Современные лингвистические исследования основываются на использовании антропоцентрического и этноцентрического подходов к анализу языковых явлений. Одним из ключевых направлений является поиск смысловых и языковых доминант национальных культур с целью изучения языковой концептуализации картины мира. В этой связи наиболее продуктивным представляется исследование паремиологических единиц, в семантике которых накоплена национально-культурная информация, в краткой форме сосредоточен и выражен житейский и социальный опыт народа.

Паремии в современной лингвистике интерпретируются очень широко – от образной лексемы до законченного воспроизводимого текста. В данном исследовании мы рассматриваем паремию в более узком значении – как «пословицу; высказывание, изречение, суждение, относящееся к пословице» [Кацюба 2013: 53].

Паремиологические единицы – это общепризнанные народные истины, передаваемые из уст в уста, представляющие собой краткие законченные ритмически оформленные предложения с назидательным смыслом, функционирующие самостоятельно. Являясь оценочными единицами, паремии заключают в себе тайну человеческих взаимоотношений, обычаи, традиции, особенности быта. В них в прямом или переносном смысле содержится опыт поколений, констатирующий

и оценивающий свойства людей и явлений, предписывающий определенную модель поведения [Солдаткина 2012: 10].

В статье рассматриваются паремиологические единицы английского и русского языков, в которых образ женщины оценивается отрицательно.

Образ женщины в лингвокультурах разных языков анализируется достаточно широко в современной лингвистике, при этом указывается, что в большинстве паремий и английского, и русского языков преобладает отрицательная оценка женщины [Аносов 2012; Самарина 2015; Солдаткина 2012]. Это отражает утверждение В.А. Масловой о том, что в языке «прочно закрепились стереотипы, согласно которым женщине присущи многие пороки» [Маслова 2001: 128].

В подтверждение сказанному приведем следующий пример английской пословицы, в которой отражена мысль о том, что женщина ниже мужчины по социальному статусу:

(англ.) *A man of straw is worth a woman of gold* (Здесь и далее английские пословицы приводятся по: [Даль 2000; Русские пословицы: <https://ru.wikiquote.org/wiki/>]; русские пословицы – по: [Simpson 1985; Robert Christy: <http://www.bartleby.com/89/>]).

В русской пословице эта же мысль выражена еще более категорично:

(рус.) *Курица не птица, а баба не человек.*

В обоих языках существуют пословицы, в которых отражено средневековое представление о женщине как пособнице дьявола:

(англ.) *A wicked woman and an evil, is three halfpence worse than the devil; Man, woman, and the devil are the three degrees of comparison; A woman can do more than the Devil;*

(рус.) *Куда черт не поспеет, туда бабу пошлет; Вольна баба в языке, а черт в бабьем кадыке; Бабий язык – чертово помело.*

Пословицы и поговорки, в которых отражено отрицательное отношение к женщине, можно распределить на несколько семантических групп.

В обоих языках осуждаются такие качества женщины, как:

1) болтливость

(англ.) *A woman's tongue wags like a lamb's tail; Arthur could not tame a woman's tongue; One tongue is enough for two women; Many women, many words; A sieve will hold water better than a woman's mouth a secret.*

(рус.) *Бабий язык, куда ни завалишь, достанет; Бабий язык – чертovo помело; За бабой почитай последнее слово; Бабу не переговоришь.*

2) Расточительность

(англ.) *A woman can throw away more with a spoon than a man can bring in with a shovel; A man can never thrive who has a wasteful wife; An expensive wife makes a pensive husband; As the market goes, wives must sell.*

(рус.) *Бабы умы разоряют дома; Мужик того не выносит мешком, что баба растрясет рукавом.*

3) непостоянство

(англ.) *A woman's mind and winter wind change oft; Between a woman's yes and no there is not a room for a pin to go.*

(рус.) *Меж бабым да и нет не проденешь иголки; Женские умы, что татарские сумы (переметны)*

4) глупость

(англ.) *When an ass climbs a ladder, we may find wisdom in woman, A foolish woman is known by her finer; He who listens to the words of a woman will be accounted worthless.*

(рус.) *Волос долог, ум короток; У обыкновенной женщины ума столько, сколько у курицы, а у необыкновенной – сколько у двух.*

5) коварство, лживость

(англ.) *No relying on wine, women, or fortune; The laughter, the tears and the song of a woman are equally deceptive; The cunning wife makes her husband her apron.*

(рус.) *Жена убажает – лихое замышляет; Бабы-то промыслы, что неправые помыслы; Женские слезы не вода, а невода.*

6) ворчливость, непредсказуемость

(англ.) *Smoke, raining into the house, and a scolding wife will make a man run out of doors; It is a good horse that never stumbles and a good wife that never grumbles; A woman when thinking by herself is always thinking of mischief; Women are like wasps in their anger.*

(рус.) *На женский поров нет угадчика; Женское сердце, что котел кипит; Баба, что глиняный горшок: вынь из печи, он пуще шипит; Лучшие раздражить собаку, нежели бабу.*

7) лень

(англ.) *A rouk-town is seldom a good wife at home, The more women look in their glasses the less they look to their houses;*

(рус.) *Женушка-душка любит мягкую подушку; У нашей непряжи – ни одёжи, ни рубахи; Где бабы гладки, там нет воды в кадке.*

8) распушенность

(англ.) *A **dishonest** woman cannot be kept in, and an honest one will not; A woman and a wet eel both have **slippery tails**.*

(рус.) *Хороша девка, **не хороша** славка; Бабий **грешок** не спрячешь ни в куль, ни в мешок.*

В английском языке также представлены пословицы, осуждающие **ненасытность** женщины:

(англ.) *A mill, a clock and a woman always **want** mending, A ship, a mill and a woman are always **repairing**, Mills and wives are **ever wanting**.*

В русском языке пословицы с подобным значением не обнаружены.

В паремиологическом фонде русского языка представлены пословицы, в которых осуждается употребление алкоголя женщинами:

(рус.) *Муж пьет – полдома горит, жена **пьет** – весь дом **горит**; Нет такого зелья, как жена с **похмелья**; Корове не идет седло, женщине – **вино**; **Пьяная** баба свиньям **прибава**; Баба **пьяна** – вся **чужа**.*

Рассмотрим средства концептуализации отрицательной оценки женщины в паремиях английского и русского языков.

Лингвисты из всех средств выражения оценки на первый план выдвигают лексические средства, представленные синонимическими рядами оценочных прилагательных «хороший/плохой».

Отрицательные признаки находят более четкое отражение в языке, по сравнению с положительными, т.к. человеку свойственно выделение всех признаков предметов, явлений и действий, угрожающих удовлетворению потребностей. В приведенных выше паремиях, выражающих отрицательное отношение к женщине вообще и к некоторым ее личностным характеристикам, оценка выражена с помощью разнородных языковых средств.

В английском языке отрицательная оценка женщины прямо выражается прилагательным *bad* и его сравнительной и превосходной формами, прилагательными *ill*; *fool*; и с помощью лексических единиц с отрицательной коннотацией (*нейоративной* лексики), например:

(англ.) *All are good maids, but whence come the **bad** wives; A **wicked** woman and an evil, is three halfpence **worse** than the devil; Tell a woman she is wondrous fair and she will soon turn **fool**.*

(рус.) *От плохой жены состаришься, от хорошей помолодеешь; Коли изба крива – хозяйка плоха.*

Отрицательное отношение к женщине выражается в английском языке на морфологическом уровне при помощи частицы **not**, суффикса **-less** и приставок с соответствующим значением **un-** и **dis-**. В русских паремиях представлены только приставка **не-** и частица **не**:

(англ.) *A dishonest woman cannot be kept in, and an honest one will not; He who listens to the words of a woman will be accounted worthless; Play, women and wine undo a man laughing.*

(рус.) *Бабы хоромы недолго живут (стоят); Бабы-то промыслы, что неправые помыслы; Кто бабе поверит, трех дней не проживет; Лукавой бабы и в ступе не истолчешь.*

Отрицание, выражаемое частицей **not** в сочетании со вспомогательным глаголом **do**, во многих паремиях может совмещаться с повелительным наклонением, например:

(англ.) *Husband, don't believe what you see but what I tell you;*

(рус.) *«У женщины правды не спрашивай; Жену выбирай не глазами, а ушами; Жену выбирай не в хороводе, а в огороде.*

В паремиях с компаративной семантикой отрицательная оценка женщины и ее личностных качеств усиливается с помощью употребления прилагательного *good/хороший (-ая, ее), better/лучше*, подчеркивая, тем самым, отрицательную характеристику женщины в сравнении с другими объектами и явлениями.

(англ.) *Better dwell with a dragon than with a wicked woman.*

(рус.) *Лучше раздражить собаку, нежели бабу.*

Оценка, в том числе отрицательная, может быть выражена не только прямо, но и с помощью сравнений и метафор.

Метафора не только называет, но характеризует и оценивает объект. На основе ассоциативных связей, сходств и различий между явлениями мира она создает новые личностные смыслы, представляя субъективное отношение индивида к миру, его видение, его трактовку определенного фрагмента действительности [Арутюнова 1990: 17].

Таким образом, ценность метафоры заключается в том, что в ней отражается национально-культурное своеобразие восприятия того или иного явления [Генералова 2008: 192]. Отражение образа человека в метафорических высказываниях позволяет судить о системе ценностей того или иного этноса.

Рассмотрим примеры, в которых образ женщины концептуализируется как отрицательный с помощью сравнений и метафор:

(англ.) *A woman's tongue wags like a lamb's tail. Women in state affairs like monkeys in glass-shops; Women are like waspes in their anger; Women are necessary evils; Women and their wills are dangerous ills*

(рус.) *Женское сердце, что котел кипит; Женское слово, что клей, пристаёт; Коса до пола, язык до колен; Бабий язык – чертovo помело; У меня жена крапива, да и на нее пал мороз.*

Таким образом, отрицательные характеристики женщины в английских и русских паремиях отражены в пословицах с помощью прилагательных с отрицательным значением, отрицательных частиц и аффиксов, а также с помощью сравнений и метафор. В обоих языках осуждаются такие качества женщины, как болтливость, расточительность, непостоянство, глупость, коварство, ворчливость, лень, непредсказуемость, распушенность. Такое качество как ненасытность представлено только в английском языке, а пословицы, в которых осуждается употребление алкоголя, обнаружены в русских пословицах. Данные различия обусловлены социокультурными условиями жизни английского и русского этносов.

Литература

Аносов Е.А. Гендерные стереотипы в паремиях русского языка в свете методологических подходов к исследованию феномена гендерной стереотипизации // Вестник Южно-Уральского государственного университета. Серия: лингвистика. 2012. № 25. С. 93-96.

Арутюнова Н.Д. Метафора и дискурс // Теория метафоры. М.: Прогресс, 1990. С. 5-32.

Генералова Н.П. Женщина сквозь призму метафор предметной сферы в русском и немецком языках // Известия Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена. 2008. Вып. № 86. С. 192-195.

Даль В.И. Пословицы русского народа. М.: Эксмо-Пресс, 2000.

Кацюба Л.Б. Детерминация паремии как единицы языка и коммуникации // Вестник Челябинского государственного университета. 2013. № 1 (292). Филология. Искусствоведение. Вып. 73. С. 53-57.

Маслова В.А. Лингвокультурология. М.: Академия, 2001.

Русские пословицы // Викицитатник URL: <https://ru.wikiquote.org/wiki/>

Солдаткина Т.А. Языковая концептуализация паремиологических единиц, выражающих отрицательную оценку в английском и французском языках: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Чебоксары, 2012.

Самарина В.С., Шибкова О.С., Губанова Л.Г. Лингвокультурологическое исследование английских паремий в гендерном аспекте // Филологические науки. Вопросы теории и практики. Тамбов: Грамота, 2015. № 4. Ч. 1. С. 161-165.

Robert Christy comp., *Proverbs, Maxims and Phrases of All Ages*. 1887. URL: <http://www.bartleby.com/89/128.htm/>

Simpson J. *The Concise Dictionary of Proverbs*. Oxford: Oxford University Press, 1985.

P.M. Omarova, D.M. Alibekova (Makhachkala, Russia)

CONCEPTUALISATION OF THE NEGATIVE CHARACTERISTICS OF WOMAN IN ENGLISH AND RUSSIAN PAROEMIAS

The article presents the axiological interpretation of the concept WOMAN in the English and Russian proverbs and sayings. The analysis of paroemias as the bearers of ethnic viewpoint revealed universal and culture-specific negative characteristics of woman and the means of her representation. The negative characteristics are conceptualized in language with the help of explicit morphological and lexical means. Metaphors and similes as the means of the expression of negative evaluation of the woman are also described.

Key words: paroemia, conceptualization, evaluation, image of woman, culture specific.

Т.Ю. Тамерьян (Владикавказ, Россия)

ПРЕЦЕДЕНТНЫЕ СИМВОЛЫ ПОЛИТИЧЕСКОГО ДИСКУРСА (НА МАТЕРИАЛЕ НЕМЕЦКОЙ ПРЕССЫ)

В статье анализируются прецедентные феномены, репрезентирующие концепт KANZLERIN ANGELA MERKEL в немецком политическом дискурсе. Описывается их структура, и выявляются когнитивные признаки.

Ключевые слова: прецедентный феномен, концепт KANZLERIN ANGELA MERKEL, когнитивный признак, немецкий политический дискурс, структура, языковая игра.

DOI: 10.20916/2071-9639-2016-25-682-688

Вербальный прецедентный код, структурируя современное политическое пространство, акцентирует смысловые узлы, маркирующие актуальную значимость прецедентных феноменов через призму политического курса и национальной идеологии каждой страны в прагматическом соответствии с конкретными целями, мотивами и ситуационными интенциями, дискурсивно реализуемыми.

Теория прецедентности текстов культуры в рамках лингвокультурологического подхода разрабатывается в двух направлениях – коммуникативно-прагматическом, в котором анализируется функционирование прецедентных феноменов в речи носителей языка, и в когнитивном, рассматривающем прецедентные феномены с позиции их восприятия и интерпретации коммуникантами в процессе общения.

Содержание прецедентного пласта, репрезентирующего концепт KANZLERIN ANGELA MERKEL в немецком политическом дискурсе, рассматривается на материале немецких информационно-политических журналов “Der Spiegel”, “Focus” и “Spiegel-online”.

Прецедентные феномены (ПФ) характеризуются многофункциональностью, поскольку в них заложены потенции реинтерпретации и наполнения новыми смыслами. Вслед за Г.Г. Слышкиным мы выделяем основные дискурсивные функции прецедентных текстов: номинативную (называние и вычленение фрагментов действительности и формирование понятий о них), персуазивную (использование прецедентного текста с целью убеждения коммуникативного партнёра в своей точке зрения, ссылка на авторитет), людическую (игровая апелляция к концептам прецедентных текстов) и парольную (распознавание «своих» и «чужих») [Слышкин 1999: 44].

Языковая игра как проявление полипарадигматичности репрезентирует сложные когнитивные и оценочные модели, базирующиеся на трансформациях разного рода.

Актуальная языковая ситуация требует от получателя дискурса способности соотнести форму и содержание игрового преобразования с прототипом. Перефразирование прецедентного высказывания в позиции заголовка, ориентируя читателя на негативный аксиологический ракурс, вместе с тем требует от него достаточной эрудиции для декодировки и интерпретации сообщения.

Так, например, в заголовке *Ave Angela – die Sterbenden grüssen dich* «Здравствуй, Ангела, – идущие на смерть приветствуют тебя» ассоциация основывается на исходном смысле прецедентного высказывания (ПВ) *Ave, Caesar, morituri te salutant!* (лат. Здравствуй, Цезарь,

идущие на смерть приветствуют тебя) [Бабкин, Шендцов 2005: 133]. Посредством субституции лексемы *Caesar* «император, кесарь» на имя *Angela* автор статьи апеллирует к возгласу, которым идущие на битву римские гладиаторы, по словам Гая Светония Транквилла, обращались к Цезарю (императору Клавдию), понимая, что этот бой может стать для них последним. Данный ПФ актуализируется благодаря новой референтной соотнесенности: в роли Цезаря выступает А. Меркель, под римскими гладиаторами подразумеваются жители Португалии. Перифраз прецедентного высказывания в заголовочной позиции не столько служит аттрактивом для читателя, сколько выполняет эвристическую функцию прогнозирования негативных результатов этого официального визита: А. Меркель находится в ситуации вершителя судеб – императора Клавдия, население Португалии, оказавшееся в безвыходной ситуации, – «идущие на смерть» – всецело зависят от ее решения.

Статья описывает ожидания Португалии в связи с визитом А. Меркель. Португалия, как и Испания, сильно пострадавшая в период кризиса, обратилась в ЕС за финансовой помощью. Но Германия, являющаяся одной из крупнейших экономик Европы, оставила кризисные южные страны без поддержки.

Сферы-источники прецедентного поля, соотносимого с концептом KANZLERIN ANGELA MERKEL, имеют различную временную и культурную соотнесенность. В контексте политической эпохи А. Меркель они отражают важнейшие события развития Германии на внешне- и внутривнутриполитической арене и в то же время отражают характеристики и оценки самого лидера страны. Источники прецедентности составляют обширную область фоновых знаний по истории, политике, литературе, кинематографу.

Прецедентное поле политического дискурса, связанное с социополитической активностью, гомеостатично – оно в значительной мере развивается за счет внутренних ресурсов данной сферы-источника.

Языковая игра с ПФ эксплуатирует не только национально-культурные коды, но также и инокультурный прецедентный фонд универсального плана, связанный с недавним политическим прошлым Европы:

Maggie Merkel «Мэгги Меркель» (англ. Margaret Hilda Thatcher, Baroness Thatcher – Маргарет Хильда Тэтчер, баронесса Тэтчер, 1925–2013 гг., 71-й премьер-министр Великобритании).

В ответ на сворачивание Маргарет Тэтчер социальных программ и доведение трех миллионов англичан до голода, рок-музыканты Великобритании стали называть ее в песнях уменьшительно-презритель-

но – *Maggie* «Мэгги». Такой ярлык прочно закрепился за британской «железной» леди не только в своей стране, но и за ее пределами.

Иронически-игровая форма подачи ПФ в масс-медийном политическом дискурсе представляет наиболее типичную стратегию формирования общественного мнения путем снижения оценочного регистра, направленного на дискредитацию пиетета власти.

Еще одно прецедентное имя-трансформа – *Angela Kohl* «Ангела Коль» – образовано путем замещения личного имени экс-канцлера ФРГ Коля *Гельмут* на имя действующего канцлера ФРГ *Ангела*.

В статье под заголовком *Angela Kohl* реализуется глубинное значение составного прецедентного феномена, имеющего двойную референцию. Автор статьи сравнивает А. Меркель с Г. Колем, апеллируя к ситуации выведения Германии из финансового кризиса. Кроме того, приводимый ниже фрагмент демонстрирует устойчивый прецедентный комплекс: *Тэтчер* (как и А. Меркель – первая женщина премьер-министр и жесткий реформатор) – *Меркель*; *Коль* (мягкий реформатор) – *Меркель*, репрезентирующий наиболее типичный для немецкого политического дискурса ассоциативный ряд. Такого рода проекции в недавнее прошлое, служат надежным механизмом идентификации культурного кода читателями, посредством когнитивного развертывания смысловой структуры прецедентных феноменов: <...> *Keine Maggie Thatcher richtet sich da im Berliner Kanzleramt ein, sondern eine Art weiblicher Helmut Kohl. So wie ihr CDU-Amtsvorgänger die deutsche Einheit auf Kredit finanzierte, um Steuerzahler und Sozialleistungsempfänger zu schonen, so will Merkel jetzt die Finanz- und Wirtschaftskrise bewältigen* «<...> не **Маргарет Тэтчер** устроилась в берлинском ведомстве канцлера, а **словно Гельмут Коль в женском облике**. Как ее предшественник на посту председателя партии ХДС финансировал объединение Германии за счет кредита, чтобы пощадить налогоплательщиков и получающих социальное пособие, так и Меркель хочет сейчас преодолеть финансовый и экономический кризис».

Появление трансформы *Merkozy* «Меркози», представляющей контаминацию двух усеченных фамилий *Merkel* и *Sarkozy* (экс-президент Франции), манипулируя сознанием читателей, провоцирует ироничное отношение к субъектам языковой игры как политическим деятелям.

В статье, названной *Merkiavellis Macht* «Власть Меркиавелли», анализируются принципы управления государством А. Меркель на примере отношений Германии с кризисными странами. С помощью

прецедентного новообразования автор статьи *Merkiavelli* явно апеллирует к элите политического сообщества и интеллектуальному кругу читателей, поскольку данный неологизм отсылает к малоизвестному среднему представителю немецкой лингвокультуры феномену, который может быть декодирован поверхностно: <...> *insofern erweist sich Merkel in einer weiteren Hinsicht als gelehrige Schülerin Machiavellis. Ist es besser, „geliebt oder gefürchtet zu werden?“*, fragt dieser in seinem Klassiker *“Der Fürst“*. *„Die Antwort lautet, man soll nach beidem trachten; da aber beides schwer zu vereinen ist, so ist es weit sicherer, gefürchtet als geliebt zu werden, sobald nur eines von beiden möglich ist* « <...> в каком-то отношении Меркель оказалась **способной ученицей Макиавелли**. На вопрос – что лучше, чтобы тебя любили или чтобы боялись? – в своем классическом сочинении «Князь» он отвечает: «лучше всего, когда бояться и любят одновременно; однако любовь плохо уживается со страхом, поэтому если уж приходится выбирать, то надежнее выбрать страх».

Прецедентный оним *Machiavelli* актуализирует не только ПИ Макиавелли, но также принадлежащее ему прецедентное высказывание, отсылая к источнику реминисценции – трактату Н. Макиавелли «Князь» (или «Государь»), который содержит описание принципов прихода к власти и удержания власти. Принципы, описанные в трактате, актуальны и в наши дни.

В статье использован двойной ПФ: 1) ПИ «Макиавелли» и связанное с ним поведение: А. Меркель следует принципу Макиавелли – за границей ее должны бояться, а на родине – любить; 2) ПВ, принадлежащее Макиавелли: автор статьи обращается к ПТ – фундаментальному трактату Н. Макиавелли «Государь» (или «Князь»), который содержит описание принципов прихода к власти и ее удержания.

Современный политический язык отличается образованием неологизмов на основе собственных имен политических деятелей, что изначально эмоционально маркирует медийный дискурс, усиливая полисемантическую прецедентного феномена. Прецедентные новообразования конденсируют многофункциональные смыслы, характеризующие не только различные аспекты деятельности политика, но также черты его характера как управленца и личную историю.

Сравнение А. Меркель с Жанной д'Арк – *Jeanne d'Arc der Europäischen Union* «Жанна д'Арк Европейского союза», построенное на основе механизма атрибутивного расширения, направляет ассоциации читателей в сторону актуального осмысления прецедента в русле дея-

тельности А. Меркель в ЕС: <...> *heldentaugliche Figuren waren unter den Egomanen und Krisenverwaltern der EU kaum zu finden, da erschien die Uckermärkerin als Jeanne d'Arc der Europäischen Union* «<...> среди эгоманов и управляющих кризисом Евросоюза едва можно было найти людей, пригодных на роль героя и жительница Уккермарка казалась **Жанной д'Арк Европейского Союза**».

Автор статьи, включая «вертикальный контекст», не только реконструирует прототип – национальную героиню Франции, апеллируя к прецедентной ситуации «принятие мучительной смерти ради своего народа и страны», но задает оценочную акцентуацию действий А. Меркель, которая готова на любые жертвы ради защиты интересов Европейского Союза.

Elisabeth I «Елизавета I». Сравнивая А. Меркель с королевой Елизаветой I в статье *Wir werden Angela Merkel noch sehr, sehr lange haben* «Ангела Меркель будет еще очень-очень долго с нами» обозреватель газеты предсказал, что она будет долго управлять государством и войдет в учебники по истории как один из величайших канцлеров ФРГ: <...> *in vielerlei Hinsicht ähnelt Merkel der englischen Königin Elizabeth I. Die wurde von ihrem Volk respektvoll gemocht. Sie verfügte über Autorität ohne Pomp. Sie war für ihre abwartende Politik berühmtberüchtigt. Sie hat früh und schmerzhaft Kontrolle über ihre Gefühle gelernt, sie war nicht katholisch und kinderlos. Sie wurde Königin – wider alle Wahrscheinlichkeit* <...> «<...> во многом Ангела Меркель похожа на английскую **королеву Елизавету I**. Ее народ относился к ней с почтенной любовью. Она пользовалась авторитетом без всякой помпы. Она известна своей политикой ожидания. Она рано и тяжело научилась контролировать свои чувства, она не была католиком и была бездетна. Она стала королевой вопреки всем ожиданиям <...>».

Проводя параллель между Елизаветой I и А. Меркель, автор последовательно выделяет следующие общие признаки: 1) впервые страной руководит женщина; 2) длительный срок пребывания во главе государства (третий срок А. Меркель и 45 лет – Елизавета I); 3) стратегии управления (расчет и осторожность); 4) черты характера (публичная эмоциональная сдержанность); 5) история личной жизни (бездетность).

Манипулятивность названия статьи *Merkel lässt die Deutschen im Stich* «Меркель бросает немцев в беде» предваряет негативную оценочность политических шагов А. Меркель в конкретной ситуации: отсутствие декларированной позиции канцлера относительно заявления

Э. Сноудэна о том, что американские спецслужбы ежемесячно совершали 500 миллионов подключений к телефонной базе Германии.

Прецедентное поле концепта KANZLERIN ANGELA MERKEL структурируется на основе ряда сфер-источников, покрывающих следующие области: *политика* (57), *история* (31), *литература* (7), *кинематограф* (12), *современная прецедентная ситуация* (17).

Языковая игра с прецедентными феноменами в политическом медийном дискурсе послужила стратегическим алгоритмом построения современной интертекстуальности, реализующим его полифункциональность, когда считывание трансформированных символов прецедентности возможно только благодаря глубинному анализу различных культурных кодов и сочетаемости их единиц.

Концепт KANZLERIN ANGELA MERKEL «*канцлер(ша) Ангела Меркель*» эксплицирован в большей степени маскулинными прецедентными именами (60 % от общего количества ПФ), чем фемининными (40 % от общего количества ПФ), что характеризует А. Меркель как политического лидера, придерживающегося мужского стиля управления: прагматичного, деловитого, эмоционально сдержанного, упорного в достижении цели, решительного и, вместе с тем, самоотверженного.

Литература

Бабкин А.М., Шендецов В.В. Словарь иноязычных выражений и слов. М.: АСТ: Харвест: Астрель: Транзиткнига, 2005.

Слышкин Г.Г. Лингвокультурные концепты прецедентных текстов: дис. ... канд. филол. наук. Волгоград, 1999.

T.Yu. Tameryan (Vladikavkaz, Russia)

PRECEDENT SYMBOLS OF POLITICAL DISCOURSE (ON THE MATERIAL OF GERMAN PRESS)

The article analyzes the precedent phenomena, which represent the concept CHANCELLOR ANGELA MERKEL based on the German political discourse. The structural and cognitive features of the precedent phenomena are revealed.

Key words: precedent phenomenon, concept CHANCELLOR ANGELA MERKEL, cognitive feature, German political discourse, structure, language game.

З.Р. Хажиева (Уфа, Россия)

ФУНКЦИОНАЛЬНО-КОГНИТИВНЫЕ ТИПЫ НОМИНАЦИИ В РУССКОМ И БАШКИРСКОМ ЯЗЫКАХ

В функционально-когнитивной номинации участвуют словообразовательные средства, сложные слова, слова-универбы, составные наименования, метафорические и метонимические средства, фразеологизмы. Функционально-когнитивная научная парадигма реализует синтез двух базовых функций языка – когнитивной и коммуникативной. Функционально-когнитивный подход, выдвинувший на передний план принцип антропоцентризма, с одной стороны, опирается на процессы категоризации и концептуализации знаний о действительности, с другой – предполагает анализ языка с позиции речемыслительной деятельности человека.

Ключевые слова: функционально-когнитивная номинация, способы номинации, составные наименования.

DOI: 10.20916/2071-9639-2016-25-689-695

Обновление современной лингвистической теории создает широкие возможности для описания проблемы номинации в русле инновационных концепций, а именно, с позиции функционально-когнитивной научной парадигмы. Стержнем речевой деятельности выступает номинация. В процессе номинации интегрируются важнейшие функции языка – коммуникативная, номинативная, когнитивная, коннотативная, интерпретирующая. Названные функции составляют сущностную характеристику языка, обуславливают его природу во всех видах речевой деятельности и реализуются в инвентаре используемых языковых наименований. Это позволяет рассматривать разные виды наименований с точки зрения их функций в языке и речи.

Перед нами ставятся задачи изучения инвентаря обозначаемых средств в деятельностном аспекте не только как номинативных единиц, но и как коммуникативных [Колшанский 1990], функционально-когнитивных элементов языковой системы [Кубрякова 1997; Кильдибекова 1997].

Словарный состав любого языка содержит достаточно средств, обеспечивающих потребности процесса номинации предметов и явлений материальной и духовной культуры носителей языка. Потребность в новых наименованиях язык может удовлетворять разными способами, общим признаком которых является закономерная связь с тем, что

язык уже создал, что в нем выявилось как жизнеспособное и способное быть основой и исходным пунктом для нового. Языки обладают достаточно сложившейся техникой номинации, имеют систему средств и способов для обозначения внутреннего и внешнего мира человека. Для обозначения реалий используются производные и непроизводные слова, слова-универбы и составные наименования, заимствованные иноязычные слова, или могут быть использованы семантические переносы (многозначность). В общей сложности эти способы номинации являются универсальными. Однако соотношение различных способов номинации, соотношение разных видов наименований, их функциональный потенциал, степень продуктивности проявляется в языках по-разному. Каждый язык по-своему отражает действительность и обозначает ее в соответствии с собственной системой наименований, поэтому языки содержат не только универсальные и идиотнические особенности, но и множество особенностей внутривидового порядка, обуславливающих специфику механизма номинации.

Синтаксическим способом образуются составные наименования, которые выступают в качестве «эквивалентов слова». Составные наименования представляют собой разные типы устойчивых словосочетаний.

В.В. Виноградов особое внимание уделял классификации «типов устойчивых словосочетаний, которые располагаются рядом со словом как семантические единицы более сложного порядка, рядом эквивалентные слову» [Виноградов 1977: 23]. Однако в его известной классификации фразеологических единиц не получили должного отражения такие устойчивые сочетания, как «составные наименования». Он только упоминает о «составных терминах» и подчеркивает необходимость их отдельного изучения.

В процессе обозначения составные наименования функционируют параллельно с лексической номинацией. Составные наименования появляются в тех случаях, когда в языке ощущается недостаточность лексических средств, когда в определенной парадигматической группе возникает недостаток обозначения реалий. Ср.: *одежда-обувь-головной убор; кейем -ӨС кейеме – аяК кейеме-баи кейеме*. Д.Н. Шмелев такие сочетания называет парадигматически связанными» и подчеркивает, что они «остаются на уровне лексических отношений, на уровне лексической парадигматики» исходного слова, с которыми имеют «деривационно связанные» отношения [Шмелев 1973: 264-270].

Являясь важным номинативным средством, составные наименования заслуживают особого внимания в сфере номинации. Между тем составные наименования не всегда находят место в описании словарного состава языка. Они не всегда фиксируются в словарях как отдельные единицы, в словарях башкирского языка, можно сказать, они вообще не выделены. Например, существительное *машина* с общим значением «механизм или совокупность механизма, совершающих какую-нибудь полезную работу» в сочетании с прилагательными образует составные наименования, которые дифференцированно обозначают разные виды механизмов, предназначенные для выполнения разных функций: *вязальная машина* (для того, чтобы вязать), *стиральная машина* (для того, чтобы стирать), *печатная машина* (для того, чтобы печатать типографскую продукцию), *пишущая машинка* (для того, чтобы печатать текст), *электронно-вычислительная машина* (для того, чтобы вычислять числовую информацию). При этом относительные прилагательные конкретизируют функциональное назначение, действие разных видов машин, каждое из которых получает дифференцированное наименование. Сказанное выше относится и к башкирскому языку. Например, существительное *ярҒыс* с общим значением «орудие, механизм для дробления, раскалывания и т.п.» образует составные наименования, которые обозначают разные виды орудия, выполняющие разные функции: *тары ярҒыс* (просорушка), *утын ярҒыс* (колун), *ярма ярҒыс* (крупорушка), *таҕта ярҒыс* (для того, чтобы пилить доски). Как видим, составные наименования на основе родо-видовых отношений могут образовать целые парадигматические группы.

В современной системе номинации русского и башкирского языков составные наименования занимают значительное место. Появление в номинативной системе подобных комплексных наименований обусловлено потребностями общества в обозначении большого количества новых реалий. В связи с расширением сферы назначения и функционирования объектов, соответствующие опорные слова приобретают достаточно большое значение и конкретизируют разные аспекты своей семантики в составных наименованиях с помощью дополнительных языковых средств. Специфическая характеристика составных наименований заключается в том, что они, конкретизируя и фиксируя с помощью дополнительных средств тот или иной различительный (мотивировочный) признак реалий (назначение, функ-

цию), получают возможность самостоятельного обозначения соответствующих новых реалий.

В последнее время составные наименования получили широкое распространение для дифференцированного обозначения различных организаций, помещений, наименований лиц, орудий труда. В способе обозначения в языках часто прослеживаются соответствия. Ср.: *акционерная компания – акционер* Җар компанияҒы, *страховая компания – страховкалау компания*Ғы; *туристическая фирма – туристик фирма*, *частная фирма – шәхси фирма*; *адресное бюро – адрестар бюро*Ғы, *справочное бюро – белешмәләр бюро*Ғы; *рекламный агент – реклама агенты*, *страховой агент – страховкалау агенты*, *торговый агент – сауға агенты* и др.

Составные наименования активны в башкирском языке. Они занимают значительный пласт номинативных средств. На наш взгляд, это обусловлено прежде всего структурными (содержательными и формальными) особенностями языка. Во-первых, слова в башкирском языке имеют большое значение и в целях номинации широко используются обозначения родовых понятий, которые получают возможность дифференцированной передачи разных аспектов своей семантики в составных наименованиях с помощью дополнительных средств, фиксирующих разнообразные признакам видового понятия. Не случайно содержательную основу большинства сложных слов в башкирском языке представляют отношения видо-родовые. Во-вторых, слоговой состав башкирских слов короткий, видимо, это тоже способствует активному образованию составных наименований. Ср.: *бакса* гӨлӨ, *бүлмә* гӨлӨ; *ат ите*, *Ғыйыр ите*, *каҗ ите*; *шыршы аҒасы*, *Кайын аҒасы*, *миләш аҒасы*; *аяк кейеме*, *баш кейеме*, *ӨҘ кейеме*; *бал Кортто*, *кӘбеҘтӘ Кортто*; *йорт Куяны*, *Үр Куяны*; *кесерткән турҒайы*, *Ғабан турҒайы*; *кесерткән күбәлӘге*, *кӘбеҘтӘ күбәлӘге*; *күҗ КабаҒы*, *күҗ алмаҒы*; *ишек тӨбӨ*, *тӘҗрӘ тӨбӨ*, *тамаК тӨбӨ*; *тау итӘге*, *урам осо*, *купер башы* и т.п.

Необходимо отметить, что инвентарь номинативных средств башкирского языка значительно восполняется за счет “парных слов” (слов-сращений), которые способны выражать как обобщенные, так и конкретные понятия. Они обозначают множество, собирательность, всеобщность, (*икмәк-тоҗ*, *аҗыК-тҮлек*, *елӘк-емеш*, *кейем-Ғалым*,

бала-саҒа, дуҒ-иш, ҒӨрӨф-ҒӘЭт), неопределенность (*кеше-Кара*), события (*алыш-биреш, уҠыу-уҠытыу, урып-йыйыу*), ситуации (*ыҒҒыш-талаш, бӘлӘ-Каза*), действие (*яҒыу-ҒыҒыу, аҠыл-кӘңӘш*), социальное положение (*кҮҒе-башлы*), внутреннее состояние человека (*аҒ-зар, шатлыҠ-Ҡыуаныс*), материальное состояние (*мал-мӨлкӘт, аслы-туҠлы*), состояние природы (*ел-дауыл, ел-ямҒыр*), пространственные параметры (*икҒеҒ, осо-Ҡырыйы, тау-таш, ер-Ғыу, урман-дала, аллы-артлы, аҒлы-ӨҒлӨ*), параметры времени (*кӨн-тӨн, иртӘле-кисле, урыҠ-ҒурыҠ*), оценку (*илке-ҒалҠы, арҠыс-торҠос, арҠыры-буй*), слуховое восприятие (*шап-шоп, лаштыр-лоштор, дӨбӨр-шаттыр, шаптыр-шоптор*), зрительское восприятие (*ялт-йолт, ем-ем*), восприятие речи (*лыбыр-лыбыр, быш-быш*), физическое ощущение (*Ҡаты-Ҡото кимереҮ*), вкусовое восприятие (*тӘм-том*), внешность человека (*аҠҒаҠ-туҠҒаҠ, килеш-килбәт*), походку (*алпан-толпан*) и др.

Значительное количество парных слов составляют звукоподражательные слова, которые активно используются также в составе сложных глаголов. На наш взгляд, звукоподражательные слова представляют особый аспект лексической системы башкирского языка, создают национальную специфику номинации, связанную с менталитетом народа. Звукоподражательные слова особо тонко передают слуховое, звуковое и зрительное восприятие и характеризуют уклад жизни носителей языка (охотничество, скотоводство). Ср.: *даҒыр-доҒор килеҮ, саҠҠ-саҠҠ итеҮ, сылтыр-сылтыр итеҮ; гӨлт итеҮ, ялт итеҮ, елт-елт итеҮ; шыбыр-шыбыр ҒӨйлӘшеҮ, шырҠ-шырҠ кӨлӨҮ, сар-сор килеҮ* и т.п.

Как показывает опыт работы над русско-башкирским словарем, в процессе номинации участвуют одинаковые способы обозначения (словообразовательные средства, сложные слова, слова-универбы, составные наименования, метафорические и метонимические средства, фразеологизмы). Однако их функциональный потенциал, степень продуктивности проявляется в языках по-разному.

На наш взгляд, специфика функционирования разных способов номинации связана также с осуществлением принципа экономии языка. По словам носителей языка, приходится или создавать новую единицу, увеличивая количество лексем в системе – в этом случае имеет место синтагматическая экономия, или использовать составные на-

именования, увеличивая число единиц в речевой цели. Можно утверждать, что в русском языке преобладает синтагматическая экономия, в башкирском – парадигматическая. Это обусловлено, на наш взгляд, прежде всего структурными особенностями языков. Если русский язык в целях номинации активно и регулярно использует словообразовательные возможности, то в башкирском языке чаще выступает аналитический способ обозначения. Например, названия детенышей животных, птиц в русском языке регулярно образуются по определенной словообразовательной модели: *мышонок, вороненок, голубенок, бельчонок, тюлененок, кенгуренок, акуленок, морженок, медвежонок, волчонок, котенок* и др. В башкирском языке наименования детенышей регулярно образуются способом модификации исходного слова с помощью дополнительной лексемы «бала» (в значении «детеныш»): *сысқан балаһы, кҮгӘрсен балаһы, тӨлкӨ балаһы, буре балаһы, айғу балаһы, тюлень балаһы, акула балаһы, бесӘй балаһы, эт балаһы, ылан балаһы* и др.

Литература

Виноградов В.В. Русский язык: грамматическое учение о слове. М.: МГУ, 1972.

Гафарова Г.В., Кильдибекова Т.А. Теоретические основы и принципы составления функционально-когнитивного словаря. Уфа: БГУ, 2003.

Колшанский Г.В. Коммуникативная функция и структура языка. М.: Наука, 1984.

Кубрякова Е.С. Части речи в ономаσιологическом освещении. М.: Наука, 1978.

Кубрякова Е.С. Номинативный аспект речевой деятельности. М.: Наука, 1986.

Кубрякова Е.С. Части речи с когнитивной точки зрения. М.: Наука, 1997.

Матезиус В. Избранные труды по языкознанию. М.: Наука, 2003.

Человеческий фактор в языке: язык и порождение речи. М.: Наука, 1991.

Шмелев Д.Н. Проблемы семантического анализа лексики. М.: Наука, 1973.

Z.R. Khazhieva (Ufa, Russia)

FUNCTIONAL AND COGNITIVE TYPES OF NOMINATION IN THE RUSSIAN AND BASHKIR LANGUAGES

The article deals with the means of word-formation, complex words, words-univerbs, composite naming units, metaphorical and metonymical means and phraseological units taking part in functional and cognitive nomination. Functional and cognitive scientific paradigm actualizes the synthesis of two basic language functions: cognitive and communicative. The functional and cognitive approach which puts anthropocentrism principle into the forefront is based upon the categorization process and conceptualization of reality knowledge, on the one hand, and suggests the language analysis in terms of the verbal and cognitive activity, on the other hand.

Key words: functional and cognitive nomination, ways of naming, composite naming units.

Э.Т. Хаметова (Махачкала, Россия)

ОБ ОДНОМ ИЗ ВАРИАНТОВ РЕПРЕЗЕНТАЦИИ КОНЦЕПТА МИР В ЛЕЗГИНСКОЙ И АНГЛИЙСКОЙ ЯЗЫКОВЫХ КАРТИНАХ МИРА

В статье рассматриваются способы отражения концептосферы МИР в лезгинской и английской языковых картинах мира. Указанные языки, как известно, относятся к неродственным языкам, и подобный анализ представляется интересным с этно-специфической точки зрения. Приводятся случаи репрезентации концепта МИР в рассматриваемых языках с точки зрения их понятийных составляющих. Приводятся примеры семантического наполнения концептосферы МИР посредством концепта БЫТИЕ в указанных языках.

Ключевые слова: концепт МИР, концептосфера, языковая картина мира, понятийные составляющие.

DOI: 10.20916/2071-9639-2016-25-695-700

При репрезентации концептов национальной картины мира целым комплексом единиц языка каждый компонент этого комплекса (отдельное слово) выражает свой специфичный фрагмент данного

концепта. Для описания концептуальных фрагментов, объединенных общим словом-выразителем, необходимо учитывать целый комплекс признаков лексических единиц: полисемантическую структуру лексем; все самостоятельные значения и связь между ними; коннотативный компонент содержания лексем; особенности функционирования лексем в речи и языке.

В языковом выразителе *дубня/world* «мир» репрезентируются следующие концепты лезгинской и английской национальной картин мира: 1) концепты религиозного сознания И ДУБНЯ/THIS WORLD (этот мир) И АТІА ДУБНЯ/THAT WORLD (тот мир); 2) концепт УЪМУЪР/LIFE (жизнь); 3) концепт ХЪУН /EXISTANCE (бытие); 4) психологический концепт КЪЕНИН ДУБНЯ/INNER WORLD (внутренний мир) и др. Лексема *дубня/world* в обоих рассматриваемых языках также участвует в языковой объективации таких фрагментов действительности, как «рождение», «смерть», «материальное богатство», «путешествие», «множество», «природа», «атеизм», «социальные отношения», «власть», «труд», «время», «праздник», «отрицательные эмоции» и «качества характера» и др.

В лексеме *дубня/world* «мир» отражено ментальное представление материального мира с разнообразным переплетением трех главных понятийных составляющих: Земли, человека, жизни. Концептосфера, объективируемая в языке посредством лексем *дубня*, представляет онтологическую базу, содержащую ценности и верования лезгинского и английского народов в свернутом виде; одну из центральных зон, вокруг которых кристаллизуется картина мира лезгинского и английского этносов.

Язык, как известно, хранит «увлекательную повесть тысячелетних усилий человека познать и объяснить мир и себя в этом мире» [Маслова 1997: 8], он тесно связан, прежде всего, с национальной культурой. Язык прорастает, развивается в культуре и выражает ее. Основу лингвокультурологии, изучающей проявления культуры в языке, составляют понятия «языковая картина мира» и «концепт».

Концептуальная картина мира, т.е. вся совокупность концептов соотносится с языковой картиной мира посредством, прежде всего, лексических единиц. Языковая картина мира первоначально включает в себя наивную и научную парадигмы знания; универсальное и национально-специфичное в понимании и восприятии мира.

Раскрытие особенностей мироощущения и миропонимания представителями разных народов, отражающихся в концептах, возможно

через изучение значений лексем, их репрезентирующих в языке. Значения языковых единиц и выражений приравниваются к воплощенным и объективированным в них концептам; концепт при этом может пониматься как соотношенное со значением слова понятие, а значением слова признается концепт, «схваченный знаком». При исследовании вопросов содержания и способов выражения концепта мы опирались главным образом на следующие высказывания:

- любой концепт характеризуется способностью к реализации в различной знаковой форме [Степанов 1997];
- слово является главной формой объективации (главным вербализатором) концепта [Степанов 1997];
- концепт – это сущность, имеющая более абстрактный характер, чем ее выразитель [Кубрякова 1988];
- концепт не может быть многозначен, но один и тот же языковой знак может кодировать подчас два или более совершенно разных концептов [Павиленис 1982];
- концепт может репрезентироваться как одним единственным словом, так и группой слов [Попова, Стернин 2001];
- лексема, используемая в названии концепта – это ярлык, сам же концепт «меньше» любой лексемы, его выражающей [Урысон 2003] и др.

Анализ словарных дефиниций способствует точному вычленению значений, а вместе с ними и концептов. Исследуя лексическую (метафорическую) сочетаемость слова, лингвист получает набор семантических признаков, характеризующих в значительной мере и сам концепт. При изучении концептов велик потенциал текстологического анализа, так как текст гармонично соединяет в себе лингвистическое и экстралингвистическое. Некоторые исследователи подчеркивают, что описание концепта возможно углубить и при помощи психолингвистических методов в ходе эксперимента: посредством ассоциативного интервью, которое позволяет выявить коннотационную окрашенность концепта.

Рассмотрим реализацию концепта МИР в одном из его содержательных компонентов: «*бытие*», «*существование*» (*хьун/exist*).

Бытие является категорией, отражающей разные способы существования. Принимая во внимание различные трактовки данной категории в философии, мы определяем бытие как способ существования и процесс становления субъекта, связанный с такими категориями, как

время и пространство, а с другой стороны, как процесс нахождения в мире вообще, переходящий из области небытия в бытие и обратно.

Концепт БЫТИЕ, являющийся одним из базовых концептов национальной концептосферы в рассматриваемых языках, занимает важное место в ряду главных понятий носителей этих языков. Все действительное *бытие* определяется языковым *бытием* и составляет духовный мир человека.

Концепт БЫТИЕ отражает ценностную ориентацию народа, а также – его национально-культурную и ментально-психологическую специфику.

Представления о бытии образуют древнейший пласт мировоззрения человека, а концепт БЫТИЕ входит в число определяющих характеристик его духовной сущности. Этот концепт представляет интерес для анализа в силу двух причин: разнородности его признаков и разнородности отражаемой им предметной области. На наш взгляд, этот концепт является самым абстрактным из всех культурных концептов. Возможно, это связано с тем, что центральным, ключевым словоэкопликатором этого концепта в рассматриваемых языках является глагол *хьун – to be* «быть», отвлеченный характер которого определил содержание концепта БЫТИЕ.

В ядро номинативного поля концепта *бытие* входят лексические единицы *хьун / to be* «быть»: *яшамии хьун / being* «бытие», *чан алаз хьун / to exist* «существовать», *хьайид хьун / to happen* «находиться», *to appear* «появляться», *to come* «приходить», *to be present* «иметься» и др.; на периферии рассматриваются лексемы *дуьнья / world* «мир», *тебиат / nature* «природа», *уьмуьр / life* «жизнь», *чили / earthly* «земное», *цаварин / heavenly* «небесное», *double* «двойное», *ичлуди / empty* «пустое», *хамиишанди / eternal* «нетленное» и мн. др.

Концепт БЫТИЕ – один из немногих концептов, который объективируется словом *хьун быть*, не совпадает с именем концепта (*бытие*), в силу того, что лексема *бытие* в своей семантике содержит все оттенки значений глагола *хьун быть*, а также расширяет номинативное поле концепта путем включения предметных значений: *дуьнья мир, вселенная, тебиат природа* и т.п. В силу того, что у имени концепта – субстантивная форма, это обеспечивает наиболее широкий номинативный охват денотата, предоставляет возможность для развития парадигматических отношений. Как лексема *дуланажагь бытие*, так и ключевое слово *хьун быть* являются стилистически нейтральными, не оценочными, многозначными, что дает богатый материал для когнитивной интерпретации. В качестве системных синонимов выступают слова *яшамии*

хьун, *яшамшун* «существовать», *аваз хьун* «жить», «находиться», «иметься»; *дуланажагъ* «житие», «жизнь» и др.

По вопросу о том, в каких отношениях или связях находятся конкретные значения слов (определенные иерархические отношения, либо равноправны между собой), в науке есть неоднозначные ответы. В нашей работе мы поддерживаем точку зрения Ю.Д. Апресяна, В.В. Виноградова, А.А. Уфимцевой, Д.Н. Шмелева и др., согласно которой семантика слова представляет собой иерархическую систему, где отдельные значения той или иной лексемы далеко не равноправны, а степень их самостоятельности и сфера употребления поставлены в зависимость от экстралингвистических факторов, способов отражения действительности и т.д., другими словами, от характера связи слова с обозначаемой реалией.

Многозначные фундаментальные глаголы бытия представляют собой «важнейший тип структуры узла глагольного предложения» [Гак 1998: 594]. Они проявляют свои лексические и грамматические значения, становясь элементами ряда семантических типов предложений, представленных универсальными моделями. В свою очередь, эти предложения определяют и моделируют высказывания, интерпретирующие типовые ситуации. Последние включают соответствующие семантические категории, а также – функционально-семантические поля (ФСП), образуемые группировками разноуровневых средств конкретных языков, которые взаимодействуют на основе общности функций.

Языковое выражение концепта БЫТИЕ широко представлено на всех уровнях – морфологическом, словообразовательном и деривационном.

Таким образом, глаголы типа *хьун* «быть» вызывают особый интерес в качестве структурных элементов ФСП и способов вербализации концептов. Недаром в теории Г. Гийома эти глаголы отличаются «первичностью значения, образуя базу для всех других глаголов, так как для того, чтобы что-то делать, чувствовать, и, даже, жить – надо, прежде всего, *быть*» [Guillaume 1968].

Литература

Гак В.Г. Языковые преобразования. М.: Школа Языки русской культуры, 1998.

Кубрякова Е.С. Части речи в ономаσιологическом освещении. М.: Наука, 1988.

Маслова В.А. Лингвокультурология. М.: Наследие, 1997.

Павиленис Р.И. Проблемы смысла. Современный логико-фило-софский анализ языка. М.: Наука, 1983.

Попова З.Д., Стернин И.А. Когнитивная лингвистика. М.: АСТ, Восток-Запад, 2007.

Степанов Ю.С. Оппозиции в морфологии (на материале английского языка). Л., 1997.

Урысон Е.В. Отглагольные существительные со значением ситуации и «наивная энциклопедия» // Труды Международного семинара Диалог'96 по компьютерной лингвистике и ее приложениям. М., 1996. С. 271-274.

Услар П.К. Этнография Кавказа. Языковедение. Т. VI. Кюринский (лезгинский) язык. Тифлис, 1896.

Guillaume G. Language and science of language. P., 1968.

Е.Т. Khametova (Makhachkala, Russia)

ON ONE OF THE VARIANTS OF REPRESENTATION OF THE WORLD CONCEPT IN LEZGHIN AND ENGLISH LANGUAGE WORLD PICTURES

The article considers ways of reflection of the WORLD concept in the Lezghin and English world pictures. These languages are known to belong to non-relative languages and such a survey makes it interesting from the ethnic-cultural point of view. The article also considers representations of the WORLD concept in the given languages from the point of view of their mental constituents. There also are examples of semantic filling of the WORLD concept sphere with the help of the EXISTENCE concept in the mentioned languages.

Key words: the WORLD concept, concept sphere, language world picture, mental constituents.

И.А. Шушарина (Курган, Россия)

ПРОБЛЕМА ПОНИМАНИЯ ЛОЖНЫХ ДРУЗЕЙ ПЕРЕВОДЧИКА (НА ПРИМЕРЕ РУССКОГО И ПОЛЬСКОГО ЯЗЫКОВ)

В статье раскрываются проблемы, связанные с пониманием ложных друзей переводчика в польско-русской речевой коммуникации. Они связываются с наличием семантической асимметрии среди интернационализмов, заимство-

ваний из разных источников, а также среди общеславянских по происхождению слов, развивших новые значения.

Ключевые слова: ложные друзья переводчика, польский язык, русский язык, проблема понимания.

DOI: 10.20916/2071-9639-2016-25-700-706

Проблема понимания лексем, сходно звучащих в разных языках, но имеющих в них разные значения, не нова. Впервые, ещё в 1928 году, на неё обратили внимание французские языковеды М. Кёсслер и Ж. Дероккиньи, сопоставлявшие данные французского и английского языков [Koessler 1961], в дальнейшем многие исследователи обращали внимание на это явление, называя формально совпадающие лексемы разных языков ложными друзьями переводчика / обманными когнатами / межъязыковыми омонимами / межъязыковыми паронимами / ложными межъязыковыми эквивалентами / мнимыми эквивалентами / буквально переводимыми словами / буквализмами. В основном семантическая асимметрия ложных друзей переводчика рассматривается с прикладной точки зрения: для снятия проблем перевода, то есть неверного восприятия иностранного текста. В связи с этим в словарях, фиксирующих ложные эквиваленты, авторы обычно ограничиваются перечнями лексических значений и примерами употребления каждого компонента коррелирующей пары. Такими, например, являются словари В.В. Акуленко [Акуленко 1969], К.Г.М. Готлиба [Готлиб 1985], К.В. Краснова [Краснов 2004], К. Кусаля [Kusal 2002], А. Вияса [Wijas 2013] и др.

В настоящее время проблема понимания формально совпадающих лексем разных языков стала актуальной и в связи с любительской лингвистикой. Так, А.А. Зализняк описывает типичные случаи необоснованного сближения лингвистом-любителем внешне сходных (в написании или в произношении) слов и указывает на то, что ответить на вопрос о существовании связи между словами разных языков «можно только с помощью квалифицированного лингвистического анализа, который требует привлечения несравненно более широких сведений, чем просто внешний вид двух сравнимых слов, а именно, обширных специальных знаний об истории обоих рассматриваемых языков» [Зализняк 2010: 15]. Особенно важным такой анализ оказывается, во-первых, при восприятии так называемых интернационализмов, во-вторых,

при сопоставлении заимствованной лексики, в-третьих, при сопоставлении слов родственных языков.

Под влиянием христианской религии и в связи с тем, что наука во многих европейских государствах до XVII и даже до XVIII века имела право существовать только на греческом или латинском языке, мы имеем научную и религиозную терминологию греческого и латинского происхождения. Влиянием итальянских мастеров объясняются итальянские корни в архитектурных и музыкальных терминах. Термины-интернационализмы французского происхождения обнаруживаются в театральном искусстве и кулинарии. Расцвет электроники в современном мире находит отражение в английских по происхождению терминах. Отличительной чертой термина является его изначальная моносемия, которая позволяет всегда интерпретировать его только так, а не иначе. Однако в живых языках лишь немногие термины сохраняют одно значение. В большинстве случаев происходят различные семантические сдвиги, слово приобретает переносные значения, которые вовсе не обязательно совпадают в языках, которые заимствовали лексему или морфему из языка-источника.

Так, латинский корень *aspirare* 'вдуть, вдыхать' обнаруживается во французском, английском, польском, русском языках. Интересующая нас лексема графически выглядит следующим образом: фр. *aspirant*, англ. *aspirant*, польск. *aspirant*, рус. *аспирант*. Ранее всего корень попал во французский язык, где глагол *aspirer* получил значение, сходное с латинским: 'вдыхать, всасывать', затем на основе метафорического переноса у него развилось значение 'желать, стремиться', а образованное от него причастие *aspirant* приобрело значения 'желающий получить что-либо', 'стремящийся к чему-либо', 'идуший к чему-либо', 'идуший к должности'. В современном французском языке *aspirant* 1) *прич.* всасывающий; 2) *уст.* кандидат на должность; тот, кто стремится получить какую-либо должность или звание; 3) *aspirant de marine* – воинское звание курсанта старшего курса военно-морского училища, то есть кандидата к производству в офицеры. Семантика 'желать, стремиться', близкая к второму значению французского языка, нашла отражение в английском термине, где *aspirant* – 'человек, стремящийся к чему-л., добивающийся чего-л.': *aspirant to [for] honours* стремящийся к почестям, 'кандидат, соискатель, претендент': *presidential aspirants* кандидат на пост президента [Акуленко 1969: 41]. В польском языке у данной лексемы реализуется значение, сходное с третьим значением во французском языке, однако распро-

страняется оно не только на курсантов военных учебных заведений: ‘должность или звание в определённых профессиях и учреждениях’: *aspirant służby liturgicznej* – первая ступень перед пострижением в монахи, послушник; *młodszy aspirant Policji, aspirant Policji, starszy aspirant Policji, aspirant sztabowy Policji* – звания Корпуса младших офицеров полиции; *Szkola aspirantów Państwowej Straży Pożarnej* – Школа младшего состава Государственной противопожарной службы [Шушарина 2015: 41]. В русском языке у слова *аспирант* реализуется значение, наиболее близкое к ‘идуший к званию’, однако сфера применения термина сосредоточивается на научной деятельности: ‘лицо, обучающееся в аспирантуре и готовящееся к защите диссертации на соискание учёной степени кандидата наук’: *аспирант МГУ, аспирант профессора Иванова*.

Среди интернационализмов в русском и польском языках к ложным друзьям переводчика относятся корреляты, которые имеют как сходные, так и различные значения. Так, пара *akademia* – *академия* имеет общие значения ‘ист. философская школа, основанная Платоном ок. 387 г. до н.э.: *akademia Platona* – академия Платона’, ‘авторитетная научная или художественная организация, научное сообщество: *Akademia Nauk* – Академия наук; *akademia sztuk pięknych* – академия художеств’, ‘разновидность высшего учебного заведения: *akademia medyczna* – медицинская академия’, но в польском языке *academia* – это ещё и ‘торжественное собрание, посвященное какому-л. лицу или событию, празднику: *Z okazji święta Konstytucji zorganizowano akademię*. – По случаю Дня Конституции было проведено торжественное собрание’. Пара *illuminator* – *иллюминатор* имеет общее значение ‘снец. окно в борту корабля, самолёта’, но в польском языке *illuminator* – это еще и термин, имеющий отношение к искусству: ‘миниатюра, виньетка’. Пара *mikser* – *миксер* имеет общее значение ‘прибор для смешивания жидкостей’, но в польском языке это ещё и ‘бармен’. В некоторых случаях корреляты, имеющие общий источник заимствования, обладают в современных русском и польском языках разными значениями: *awantura* ‘шумная ссора, скандал: *Przechodziłam koło sklepu i słyszałam awanturę między ekspedientką i jakimś klientem*. – Я проходила около магазина и слышала скандал между продавцом и клиентом’ – *авантюра* ‘рискованное дело (не всегда честное), предпринятое без учёта реальных сил и условий, в расчёте на случайный успех: *puścić się w awanturę – puścić się na hazard*’, *aura* ‘погода: *jesienna aura* – осенняя погода’, ‘перен. настроение, атмосфера: *niepr-*

złyetna aura – неприятная атмосфера’ – *aura* ‘иск. изображаемое как ореол, нимб сияние вокруг головы, тела, представляемое как проявление души: *aura nad głową Bogородицы* – *aureola nad głową Matki Boskiej*’ и др.

Нередко среди ложных друзей переводчика можно обнаружить заимствования из разных языков-источников. Так, польское *arka* восходит к латинскому слову *arca* ‘ящик, ковчег, гроб’ и имеет значения ‘гигантский корабль, построенный Ноем перед всемирным потопом для спасения живых существ; ковчег: *arka Noego* – Ноев ковчег, *arka przymierza* – ковчег завета’, ‘в христианских церквях название предметов церковного обихода, служащих вместилищем культовых реликвий: *Arka Pana* – гроб Господень’. В русском языке лексема *арка* является архитектурным термином и обозначает дугообразное перекрытие проёма в стене или пролёта между двумя опорами: *дом с красивой аркой* – *dom z pięknym łukiem*. Источником русского заимствования выступает итальянский язык, где *arco* восходит к латинской лексеме *ārcus* ‘дуга, изгиб’.

В польском и русском языках, генетически восходящих к одному языку-основе, «ложные друзья переводчика» в подавляющем большинстве случаев представляют собой семантические трансформации общего прототипа. Так, в общеславянском языке **pytati* – «спрашивать» [Черных 1999: II: 88]. В польском языке глагол *pytać* сохранил значение «спрашивать, справляться о ком-л., чем-л.». В древнерусском языке этот глагол употребляется в таком же значении. И.И. Срезневский указывает следующие значения, встречающиеся в древнерусских памятниках письменности: «спрашивать», «допрашивать», «разузнавать», «обсуждать», исследовать», «изучать, вникать», «испытывать», «пытаться, пробовать» [Срезневский 1893: II: 1759-1760], значение «применять пытку при допросе» впервые фиксируется в «Уложении» 1649 г. В современном русском языке основным значением глагола *пытать* является «производить дознание, допрашивать, применяя физическое насилие, истязая допрашиваемого» и лишь вторым, дополнительным, приводится значение «настойчиво расспрашивать, стараясь узнать что-л.» [Шведова 2007: 782]. Конечно, в словах сказочной Бабы-Яги «Дело пытаешь или от дела лытаешь?» мы слышим глагол *пытать* именно в значении «разузнавать», «расследовать», в поговорке «Не пытай старого, а пытай бывалого» – в значении «расспрашивать». Но часто ли глагол в этих значениях употребляется в нашей повседневной речи?

Проблемы понимания возникают и в тех случаях, когда в одном из языков лексема используется как эвфемизм, отсутствующий в другом языке. Так, общеславянская по происхождению коррелятивная пара *puszysty* – *пушистый* в литературных польском и русском языках имеет симметричные семантические парадигмы, однако в разговорном польском можно услышать: *figura puszysta* ‘полная / тучная фигура’, *kobieta puszysta* ‘полная / тучная женщина, пышка’ – на основе этих выражений возникла *dieta dla puszystych* ‘диета для полных / тучных’, а также название магазина «*Odzież dla puszystych*» – «Одежда для полных». В русском языке лексемы *пушистый*, *пушистик* никак не связаны с полными людьми, но зато употребляются по отношению к домашним животным, обладающим густой длинной шерстью.

Рассмотренные проблемы понимания ложных друзей переводчика являются наиболее распространёнными, однако далеко не исчерпывающими. Семантические расхождения отмечаются не только в понятийном содержании, но и в стилистических характеристиках, лексической сочетаемости. Кроме того, формально сближаться могут лексемы в связи с действием в языках различных фонетических процессов. Всё это лежит в основе наших настоящих и дальнейших исследований.

Литература

Акуленко В.В. Англо-русский и русско-английский словарь «ложных друзей переводчика» / В.В. Акуленко, С.Ю. Комиссарчик, Р.В. Погорелов / под ред. В.В. Акуленко. М.: Советская Энциклопедия, 1969.

Готлиб К.Г.М. Словарь «ложных друзей переводчика» (русско-немецкий и немецко-русский). М.: Советская энциклопедия, 1972.

Зализняк А.А. Из заметок о любительской лингвистике. М.: Изд-во «Русский Мир», ОАО «Московские учебники», 2010.

Краснов К.В. Англо-русский словарь «ложных друзей переводчика». М.: ЭРА, 2004.

Срезневский И.И. Материалы для словаря древне-русского языка по письменным памятникам: в 3 т. С-Пб.: Типография Императорской Академии наук, 1893.

Черных П.Я. Историко-этимологический словарь русского языка: в 2 т. М.: Русский язык, 1999.

Шведова Н.Ю. Толковый словарь русского языка с включением сведений о происхождении слов. М.: Издательский центр «Азбуковник», 2007.

Шушарина И.А. Словарь польско-русских ложных друзей переводчика. Курган: Изд-во Курганского госуниверситета, 2015.

Koessler M., Derocquigny J. Les faux-amis ou les trahisons du vocabulaire anglais; conseils aux traducteurs. Paris, 1928 (5-eme ed., Paris, 1961).

Kusal K. Rosyjsko-polski słownik homonimów międzyjęzykowych / K. Kusal. – Wrocław : Wydawnictwo Uniwersytetu Wrocławskiego, 2002.

Wijas A. Polsko-roszjski słownik fałszywych przyjaciół tłumacza z indeksem rosyjski-polskim z uwzględnieniem potocznych, pospolitych, slangowych i wulgarnych znaczeń wyrazów. Kraków, 2013.

I.A. Shusharina (Kurgan, Russia)

THE PROBLEM OF UNDERSTANDING OF FALSE FRIENDS OF THE TRANSLATOR (ON THE EXAMPLE OF THE RUSSIAN AND POLISH LANGUAGES)

In the article the problems of understanding false friends of the translator in Polish-Russian speech communication is revealed. They are put down to the existence of semantic asymmetry among internationalisms, loans from different sources, and also among the words all-Slavic by origin which have developed new meanings.

Key words: false friends of the translator, Polish, Russian, understanding problem.